ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 33-й
№ 55 (4334)

Вторник, 9 мая 1961 г.

Цена 4 коп.

МЫ ПОБЕДИЛИ!

Фото В. Гальперина (снято 9 мая 1945 года)

СЕКРЕТ ПОБЕДЫ

Борис ПОЛЕВОЙ

Когда сейчас, шестнадцать лет спустя после того, как отгремел последний большой салют Победы, вспоминаешь о днях Великой Отечественной войны, уже окутывающейся в народной памяти дымкой легенд, всегда приходят на память картины, которые довелось мне увидеть в первую, нечеловечески трудную военную зиму в родных калининских краях.

Помнится, в середине февраля сорок второго в штаб фронта из дивизии, которая дальше других продвинулась на Запад, пришло сообщение о том, что под Великими Луками старый колхозник Матвей Кузьмин пожертвовал жизнью, чтобы предотвратить внезапный прорыв эсэсовской части в наши тылы.

То была трагическая пора войны. Добрые вести с фронта были для людей дороже хлеба. Выпросив у командующего фронтом И. С. Конева связной самолет, мы с корреспондентом Советского Информбюро в сорокаградусный мороз двинулись по этой еще не облетанной трассе к месту удивительного происшествия. Мы прибыли туда в момент, когда воинское подразделение готовилось дать траурный залп над холмиком мерзлой земли, только что вырезанным на берегу реки Ловати.

Там, у свежей могилы советского патриота, застали мы одновременно Кузьмина и солдат, из тех, кто сидел в засаде, когда старик выводил на советские пулеметы лыжный батальон егерских стрелков батальона СС «Эдельвейс». От этих людей узнали мы подробности подвига простого советского человека, отдавшего жизнь за Родину, за свой народ, за советский строй, который был ему дороже жизни, за коммунизм. Простота, величие этого подвига потрясли нас. И так как связь в те дни работала неважно, а нам не терпелось поскорее сообщить обо всем этом в свои редакции, мы решили лететь не на КП штаба фронта, а прямо в Калинин, откуда уже можно было говорить с Москвой по телефону.

К исходу дня материал был передан, а ночевать нас пригласил к себе мой старый знакомый, инженер с текстильного комбината «Пролетарка». В квартире его, еще носившей следы оккупантского пребывания, было холодно, как в блиндаже на передовой. Самодельная печурка, сделанная из трофейной бензиновой бочки, даже накалившись докрасна, не в силах была побороть мерзлоту, накопившуюся в стенах больше чем за два зимних месяца.

Впрочем, хозяин квартиры, как нам показалось, здесь и не жил. Предоставив в наше распоряжение топливо несколько досок от забора и все имевшиеся у него одеяла, он принялся торопливо одеваться.

— Вы куда же это, на ночь глядя? — Как куда? На работу.

— ???

— Ну да, и у нас здесь, в глубоком тылу, есть свой передний край, вы что думаете...

Мы прилетели с переднего края нашего наступления. Казалось, что могло нас удивить? И все-таки этой холодной ночью в тылу, тут, в недавно освобожденном городе, который все еще не переставал быть инфернальным, мы были не удивлены, а поражены.

Пробравшись по дорожкам, протоптанным через глубокие хрустящие сугробы, к руинам, неясно громоздившимся там, где глаз привык видеть плоские, длинные корпуса ткацкой фабрики, мы с удивлением убедились, что в этот глухой ночной час руины отнюдь не мертвы. Среди груд обгорелого кирпича и чугунных нагромождений оплавленных станков тут и там молча двигались огоньки. Их синеватые отблески походили на то, что по ночам мерцает в этих краях над торфяными болотами и что, по старинным тверским поверьям, считалось душами непогребенных мертвецов.

Откуда эти синеньские огни? Оказывается, это затененные фонари «летучая мышь». В их неверном свете иногда вдруг вырисовывались человеческая фигура, лицо, но чаще руки, чтобы упорно делавшие во тьме ночи, на лютом морозе. Потом мы рассмотрели людей в ватниках и ватных шароварах. Под валенками мягко поскрипывал снег. Слышалось постукивание металла о металл. Раздавались женские голоса.

В этот глухой час ночи, когда, выставив секреты и боевые охранения, на фронте стала даже передовая, тут продолжалась работа. Ткачи торопились пустить единственный уцелевший зал автоматов. Для работы им не хватало дня. И в эту морозную ночь, когда руки принадлежат металлу, усталые женщины продолжали трудиться, расклывая в сугробах уцелевшие станки или выискивая на обгоревших сохранившиеся детали. Невдалеке в чудом уцелевшем деревянном домике, под бдительным надзором пенсионеров, спали дети. Тут же, прикорнув на полу, подложив под голову ладонь, отдыхали те, кто слишком устал, чтобы работать.

Из корреспондентов наших «тыловых» коллег мы знали, что именно в таких, а может быть, еще и более тяжелых условиях трудятся на нужды близкого фронта жители блокированного Ленинграда и многих других городов; знали, что и на Урале, где в достроенных цехах эвакуированных заводов куется оружие для Советской Армии, людям немногим легче. Но то, что я увидел в эту ночь на родной фабрике, потрясло до глубины души. Потрясло и навсегда осталось одним из памятнейших впечатлений военных дней, о которых нельзя забыть и до сих пор.

И как ни громозвучны были победы Советской Армии, свидетели которых мне потом доводилось стать, как интересны были судьбы военных людей, с которыми приходилось сталкиваться, все таки на всю жизнь запомнились эти женщины в стеганой мужской одежде, метание огоньков «летучей мыши» над сугробами, образы ткачих-пенсионерок, берегущих сон ребят, матери которых трудились во имя победы.

Летопись всех войн, начиная с античных, не знала такого боевого мужества, такой удивительной стойкости, такой беспримерной сплоченности, какие показал советский народ, сражавшийся в самый острый период второй мировой войны один на один со всеми силами фашизма.

Для стратегов капиталистического Запада и сейчас нерешенной задачей является то, что в опровержение всех военных теорий, защищая Родину, советский народ уподоблялся любимому богатырю русского эпоса — Илье Муромцу: чем простнее напирал на него враг, тем могущественнее и тяжелее становились его руки, чем больше фашистских орд нападало на него, тем быстрее нарастали его богатырские силы. Именно в те лихие годины, когда враг подходил к Москве, блокировал Ленинград, тщился перерезать Волгу, в эти трагические, величественные дни нашей истории, когда в боях с объединенными силами фашизма решались судьбы нового мира,— в эти дни советский человек, воспитанный большевистской партией, одухотворенный идеями коммунизма, встал перед миром во всех чертах, во всем блеске своих социалистических качеств.

Каждую деревню, каждый город он, советский гражданин, защищал, как собственный дом. Окруженный врагами, он сражался до последней пули. Отрезанный от своей армии, он помогал разжигать огонь партизанской войны в глубоком тылу противника. Попав в плен, заточенный в чужие края, в далекие страны, он и там не признавал себя побежденным: организовывал побеги из лагерей, саботажи на военных заводах, партизанские группы.

Ну, а если Родина оставляла его в тылу войны, если вместо автомата она вкладывала ему в руку гаечный ключ, вместо орудия ставила к станку, мартеновской печи, сажала в будку паровоза или посылала под землю в забой, он, советский человек, мужчина или женщина, старик или подросток, и тут, в тылу, чувствовал себя на передовой великой борьбы, готов был работать, пока хватало сил. Славный советский тыл знал своих Викторов Талалихиных, Александров Матросовых, Алексеев Маресьевых, генералов Карбышевых. И подвиги их, совершаясь не под аккомпанемент рвущихся снарядов, а под тихий гул станков, под гудение мартенов или мирный звон жаворонков над колхозными полями, были не менее значительны и величественны, чем те, что совершались на фронте.

В чем же секрет этой удивительной стойкости? Где источник этого прекрасного, незатухающего огня, который горит в сердце каждого самого простого, самого неприметного в обычной своей работе советского человека? Где этот секрет, позволяющий ему, когда настанет его час, становиться героем, потрясающим умы мира? Где, в чем секрет того, что советский молодой человек Юрий Гагарин перед взлетом в космос мутливо бросает оставшимся на земле друзьям: «ну, поехали», и приземляется после первого космического полета бодрый, полный сил, с именем Коммунистической партии на устах?

Так гадают империалистические стратеги, с опаской, но и с вожделением поглядывая на границы Советской страны и всего социалистического мира.

И мы, мирные советские люди, от имени которых был провозглашен Н. С. Хрущевым проект всеобщего полного разоружения, мы, люди, первыми в мире залившие волух, что мечтаем о земле без оружия и солдат, не скрываем источников, скажем прямо и откровенно, все время нарастающей мощи нашей страны. Она в монолитности нашего народа, она в сплоченности его вокруг ленинской партии и ее Центрального Комитета. Она в нашей коммунистической одухотворенности.

Вот он, простой и естественный секрет непобедимости богатырских сил нашего народа, позволивший ему шестнадцать лет назад поднять победное знамя над поверженной цитаделью фашизма.

Вот он, животворный источник той удивительной энергии, которая позволила нам сейчас, в пору смелых исканий и грандиозных свершений, забросить в небо первый спутник, подарить Солнцу новую искусственную планету, сделанную руками человека, положить свой горный серпастый и молоткастый вымпел на поверхность Луны, и, наконец, открыть для человечества эру космических путешествий.

Вот он, тот волшебный эликсир, который тщетно искали средневековые алхимики; эликсир, открывающий душе обычного человека такие сокровища, перед которыми ничто любой благородный металл; эликсир, позволяющий обычному труженику, рядовому воину становиться героем. Свидетельство тому беспримерный подвиг советского народа, — первого коснувшегося мира, перед которым с почтением сняло шляпу все мыслящее человечество.

И когда сейчас, в день шестнадцатилетия величайшей из военных побед, думаешь о тех, кто победил, видишь перед собой и Николая Гастелло, бросающего горящий самолет на колонну вражеских танков и автомашин, и старого колхозника Матвея Кузьмина, выводящего врагов на пулеметную засаду, и Александра Матросова, закрывающего грудью амбразуру дзота, и тех ткачих, которые в мужских ватниках и стеганых штанах при сорокаградусном морозе ночью разыскивали в снегу сохранившиеся станки, и тех советских людей фронта и тыла, составляющих в дни войны единый, несокрушимый, не имеющий ни одной трещинки монолит.

Слава им, простым, обыкновенным, маленьким и великим советским людям, которых коммунистическая идейность делает сказочными богатырями.

ЩЕДРОЕ ПОЛЕ

Новому широкую дорогу

Семен НОВИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Началось это так.

Стоял предосенний день. Объезжая поля на своей двуколке, агроном подмосковного колхоза имени Чкалова повстречал знакомого лесника.

— Хочешь посмотреть на чудо? — таинственно спросил лесник.

— Не откажусь,—улыбнулся агроном.

— Да вот оно. Гляди!

Лесник показал на колыхавшуюся под ветерком стену ржи.

Юрин слез с двуколки, подошел. Видит — обыкновенная рожь. Первое удивление пришло, когда агроном увидел упругие, тугие колосья. Неужели земля? Как же был произведен посев?

— Погоди, еще не так удивишься,—пообещал лесник.

Закуривая, он уловил мелькнувшие в глазах агронома искорки любопытства, насладился паузой и продолжал:

— Первое — то, что озимая рожь эта сеяна после осенней вспашки прошлого года. Ну, а второе, брат ты мой, такое, что и вовсе уму непостижимо. Сеял-то я вовсе не рожь, а если хочешь знать... овес!

Боясь, что ему не поверят, лесник поспешил добавить, что прошлогодней осенью тут действительно вырос овес. С тех пор он ничего не делал на участке, который забросил,— недосуг было. Тем не менее, спустя год вдруг выросла вот эта самая рожь.

Юрина, однако, заинтересовало как раз первое сообщение — то, что озимая рожь была посеяна не осенью, как обычно, а пятью месяцами раньше — весной, и не отдельно, а одновременно с овсом. Агроном не сомневался, что семена овса содержали примеси ржи, чего лесник мог не заметить.

Итак, на опушке леса был смешанный посев. Но разве это в диковинку? Общеизвестны ведь посевы различных кормовых смесей, зерновых с бобовыми и тому подобные. Почти каждая культура побывала в соседстве с другими растениями. Во многих случаях такие посевы повышают общий урожай, облегчают уборку, улучшают структуру почвы.

Выходит, ничего нового в лесниковой ржи нет?

Ничего? Но ведь лесник случайно посеял озимую культуру не осенью, как принято, а весной. Значит, она росла не только вместе с яровым овсом, но и позже овса, как бы под его покровом.

Может быть, это новое явление в биологии? Открытие, сулящее такое, о чем и мечтать-то не смеешь! В эту минуту молодой агроном остро ощутил, насколько сложна и вместе с тем увлекательна его профессия, задающая столь трудные задачи, и по-настоящему оценил энтузиазм своего отца, всех своих пятерых братьев и четырех сестер, ставших агрономами...

Юрин стоял на дороге и задумчиво глядел себе под ноги. Взгляд скользнул и задержался на подорожнике. Покрытый серой пылью, он отцветал своими неяркими красками. А рядом, на смену старым, поднимались новые побеги. Они не успеют даже зацвести до зимы. Зачем же им расти?

Мысль обожгла своей неожиданностью: что, если именно растения одного вида, но в различных стадиях развития могут так хорошо развиваться при совместных посевах!

И вот весной молодой агроном закладывает в колхозе небывалый еще опыт: засевает одновременно яровую и озимую пшеницу. Для лучшего наблюдения над необыкновенными посевами он создает в колхозе маленькую агротехническую лабораторию.

Текли дни. Вновь пришло лето. На участке поднялась яровая пшеница. Колхозники смотрели на нее и качали головами. И было отчего: вслед за яровой тянулась зеленая озимь!

Яровую скосили вместе с сочными стеблями озимой, которая достигла полуметровой высоты. Животноводы перебирали в руках необычную мешанку — получился отличный корм для скота. Может быть, для этого и затевал агроном этот посев?

А для Юрина настали теперь тревожные дни. Как-то перезимует озимая пшеница, посеянная, как яровая? В заморозки он раскапывал землю: корни живут и проникли глубоко.

Летом пшеница, словно бы торопясь расцвести, у агронома. Все семенки, буйно пошла в рост, обогнав соседей, посеянных, как обычно, с осени. Теперь всякий видел: пшеничка на опытной делянке кустистее, колос больше, зерно крупнее. Да и поспела она на две недели раньше.

Победу в этом своеобразном соревновании окончательно определили цифры. С гектара яровой и озимой пшеницы обычного посева сняли 32 центнера зерна. Неплохой урожай! Пшеница двойного посева дала, однако, в пересчете на гектар 53 центнера.

Итак, 21 центнер хлеба прибавки на гектар! Если к тому же учесть, что для озимой не потребовалось обычной августовской пахоты да еще дополнительный урожай зеленой массы, — экономическая выгода нового способа сеева еще более возрастала.

Тогда Юрин еще не знал, что этот первый пробный посев явится начальом его диссертации. Имея среднее агрономическое образование, он поступает на биологический факультет Московского университета, полный курс которого заканчивает за два с половиной года. Учеба, затем аспирантура и работа над диссертацией помогли глубоко разобраться в сложных взаимоотношениях между яровой и озимой пшеницей, растущих вместе, глубже познать физиологию их соседства.

Различна потребность растений в пище и других условиях жизни на протяжении вегетационного периода. Сегодня одним требуется больше фосфора, другим — азота и т. д. Известно, что питательные вещества, влага, свет используются рациональнее, если совместно произрастают растения, различные по возрасту, развитию, росту и другим биологическим свойствам, но относящиеся к одному виду.

Юрину теперь стало ясно, что происходит в случае с подорожником. Созревшие ветви не потребляют уже прежнего количества пищи, влаги. Этим и пользуются молодые побеги. Они растут, закрепляя за собой место, преграждая сюда доступ другим растениям.

Иная картина получается на поле, где посеян один выраженный сорт, скажем, яровой пшеницы. Созревая одновременно, она на различных стадиях потребляет одни и те же элементы пищи. В те периоды, когда снижается потребление питательных веществ, рядом бурно растут сорняки. Они теснят культурные растения, заглушают их.

А раз так, то при двойных посевах должно быть меньше сорняков. Ведь яровая и озимая пшеница используют условия жизни не одновременно, а в различных стадиях.

Опыты следовали один за другим. И каждый раз двойные посевы неизменно утверждали свое преимущество.

Колхозники недоумевали: чем объяснить высокие урожаи озимых, если расходуется почти половина нормы семян?

(Окончание на 2-й стр.)

Встреча на празднике

Марианна ШАГИНЯН

В эти два майских дня — 6 и 7, — вкрапленные между двумя праздниками— Печати и Победы,— Армения отпраздновала свою большую дату советского сорокалетия. И мало сказать — отпраздновала, но и получила редчайшую зарядку на будущее. Все дело теперь в том, чтоб сохранить и развить полученный дар, сделав пережитый праздник ступенью к завтрашней работе.

Много раз приходилось нам читать речи Н. С. Хрущева. Но, напечатанные в газетах, они сохраняют очертания слов, не передевая их интонаций, сопровождающего их жеста, теплоты, рождаемой от непосредственной встречи произносимого слова с теми, кто это слово слушает. А ведь именно в этой теплоте, порождаемой встречей, и лежит главное, что замечательно в огромной работе, согревающей и поднимающей народные массы, какую из года в год, из месяца в месяц проводит на наших глазах Никита Сергеевич.

Праздничная Армения встала перед нами не только в ярком убранстве ее столицы, созданном руками художников, и не только в весеннем убранстве ее долин и нагорий, произведенном рукою природы. Она раскрылась перед нами в высоком труде и культуре своего народа.

Я помню курящиеся сизым дымком земляные бугорки, похожие на кротовые норы, в которых со времен Ксенофонта жил армянский крестьянин; помню его допотопный плуг и жалкого облезлого буйвола, шажком тянувшего этот плуг по бурой, усеянной камнями, вековым сном спавшей скудной земле. Помню женщину горного Апарана, с лицом, похожим на пергамент, покрытый письменами, — рубаха бессменно истлевала на ее теле, волосы были сбиты, как войлок, натруженные глаза истекали зеленью трахомы, рот был подвязан от уха к уху повязкой молчания, суровой и ей обычаем предков у семейного очага, и очаг этот вместе с дымом ел глаза ее и кроткие черные глазенки ее полуголых детей. Горький дым нищеты — так в двадцатых годах поэтично писал Николай Тихонов об этих признаках домашнего армянского земледельческого очага среди угрюмых и бесплодных нагорий... Все это еще хранит память. И ни следов, ни пепла не сохранилось от тех страшных лет в современной, залитой электрическим светом, увлажненной каналами, взрыхленной тракторами, застроенной каменными домами и засаженной плодовыми садами древней земле Армении, и люди ее, рабочие, колхозники, интеллигенция, великолепная стройная молодежь на спортивном стадионе, хорошенькие, как рафаэлевы херувимы, детишки, — вот кто хлынул лавиной, окружил неисчислимым людским потоком и жадно слушал Хрущева, и сам говорил с трибуны. Мне видно было, как внимательно, сощурясь от яркого света, следил Хрущев за худенькой колхозницей-азербайджанкой в бархатистом платке, за круглолицей русской текстильщицей из Ленинакана, за пожилым армянским рабочим, спокойно и по-хозяйски рапортовавшими с трибуны стадиона; как вслушивается на приеме в сосредоточенным интересом в выступления талантливого армянского артиста,—это было воистину встречей на празднике, как на чудесном итоге ленинской национальной политики за сорок лет.

В нашей необъятной стране говорят не сотнях языков, заметил он в своей речи, и говорящие прекрасно понимают друг друга, потому что говорят они на одном классовом языке и живут одной трудовой жизнью, близкой и понятной сердцу каждого, в какой бы национальной оболочке она ни выражалась...

И вот самое замечательное в речах Никиты Сергеевича, что особенно удалось почувствовать в прошедшие два дня, — это факт их рождения от контакта с народом, их напитанность непосредственными впечатлениями встречи, зорко подмеченными штрихами и деталями. И это великое умение — весь жар сказанного, весь могучий арсенал широкого, щедрого, но всегда спокойного жеста; могучего голоса, убеждающего, но никогда не предписывающего, всегда как бы советующего; необычайное разнообразие интонаций, теплоту тона и подкупающую прелесть неожиданной улыбки — весь этот огромный дар подлинно народного трибуна — расточать не зря, а сконцентрировать в единый поток большого и требовательного смысла, обращенного к душе каждого слушателя и поднимающего, мобилизующего, организующего энергию народных масс на предстоящую им работу... Сила этого дара вырывается внезапно наружу, когда Хрущев, отступя от текста речи, начинает беседовать со своими слушателями, как оно было на ереванском стадионе.

Хрущев часто предупреждает, что критикует даже на празднике, потому что в критике — признак силы нашей общественной системы. Просто удивительно, как за коротную встречу, зорко уловив и отметив основные положительные качества армянского народа, он нащупал слабое место в великолепной армянской промышленности. Безукусные матерские бескозырки для работ на грандиозной выставке достижений армянской промышленной культуры послужили ему предлогом, чтоб после высокой оценки трудовых и героических качеств народа-борца, народа — великого труженика, какими были армяне за все их историческое существование, произнести нужнейшие слова о необходимости самоуважения у народа, уважения к самому себе, к своим людям, к своим детям, которое не допускало бы неряшливой, некрасивой одежды, а стремилось бы к красоте в быту, к такой же точной и прекрасной, с таким же вкусом производимой работе в легкой промышленности, с какой создает армянский народ свои станки и машины.

Праздник сорокалетия Советской Армении был для многих из нас, думаю — для всех нас, уроком большого, требовательного счастья, большого познавательного опыта, и, разъезжаясь по своим городам, расходясь по своим домам, нельзя, как мне кажется, не чувствовать его могучей силы. Когда у вас на глазах происходит подлинная творческая работа, не знающая ни отдыха, ни передышки, работа большого народного трибуна, пропагандиста и агитатора, как бы становящегося в шеренгу всех простых работников труда и принимающего на свои плечи общий труд движения к будущему, вы не можете, не должны, не смеете сами работать вполсилы, не отдавать себя целиком труду и не требовать от себя того предельного качества, на какое вы способны.

ЕРЕВАН (По телефону).

ТАГОРОВСКИЕ ДНИ

Во всех странах мира по решению Всемирного Совета Мира торжественно отмечается столетний юбилей Рабиндраната Тагора. Широко празднуется эта знаменательная дата в городах Советского Союза.

МОСКВА: Вчера вечером в Государственном академическом Большом театре СССР состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со для рождения великого индийского писателя Рабиндраната Тагора. Вечер открыл вступительным словом председатель Комитета по проведению юбилея Н. Тихонов. Творчеству и жизни индийского писателя были посвящены выступления И. Анисимова, С. Балашова, А. Губера, Т. Зуевой, Ф. Петрова. На заседании была зачитана речь посла Индии в СССР К. П. Ш. Менона, не присутствовавшего по болезни. В заключение вечера состоялся большой концерт.

Торжественное заседание было организовано Советским комитетом по проведению столетнего юбилея Рабиндраната Тагора, Союзом писателей СССР, Министерством культуры СССР, Академией наук СССР, Советским Комитетом защиты мира, Союзом советских Обществ дружбы с зарубежными странами.

ЛЕНИНГРАД. В публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина открывалась выставка, посвященная столетнему юбилею Тагора. Здесь представлены переведенные и советские издания произведений великого индийского писателя на русском языке, публикации его романов и стихов на языках народов СССР и за рубежом. Во многих клубах Ленинграда, во Дворце пионеров состоялись вечера и читательские конференции, посвященные славной дате. 16 мая будет проведен общегородской тагоровский вечер. В Ленинградском университете состоится научное заседание, посвященное писателю.

УФА. «Письма о России» — так называется книга, написанная Тагором после посещения СССР и изданная в столице Башкирской республики, и одной из глав книги говорится о Башкирии, о ее огромных успехах в развитии экономики и культуры.

В эти дни в башкирской республиканской библиотеке имени Н. К. Крупской открылась книжно-иллюстративная выставка, посвященная жизни и деятельности Тагора. На стендах представлены произведения писателя, в том числе его «Рассказы», выпущенные на башкирском языке.

***

Торжественные вечера, посвященные памяти Тагора, состоялись в Киеве, Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе, Кишиневе и других городах.

ГДР

МАЙ, 1961

В Дрездене, на стене Оперного театра, высечены слова: «Дрезден планирует и строит». Эти слова можно отнести по всей Германской Демократической Республике. В канун 16-й годовщины освобождения немецкого народа от фашизма и побыт в ГДР, видел города, возрожденные руками трудящихся немцев, видел новую жизнь молодого государства — форпоста социализма в Западной Европе.

Репортаж художника М. БРЕНАИЗЕНА

Вот знаменитая берлинская Унтер-ден-Линден (угол Фридрихштрассе). Она давно уже залечила раны. Здесь всегда оживленно и людно.

«ЛЕНИН, ПАРТИЯ, НАРОД»

Этой теме посвящен открывающийся сегодня второй пленум правления Союза композиторов РСФСР. С докладом «Композиторы Российской Федерации навстречу XXII съезду» выступит на пленуме 12 мая первый секретарь Союза композиторов РСФСР Д. Шостакович. В докладе, в творческой дискуссии, которая начнется вслед за ним, будут подведены итоги сделанному, намечены перспективы.

Пленум задуман как широкий творческий отчет композиторов Российской Федерации перед народом. В дни работы пленума — с 9 по 16 мая — любители музыки смогут ознакомиться с наиболее значительными произведениями композиторов РСФСР, созданными в последнее время.

Пленум открывается симфоническим концертом в Большом зале консерватории, где будут исполнены «Одиннадцатая симфония» Д. Шостаковича и «Патетическая ораторио» Г. Свиридова. А затем в Москве пройдет целая серия концертов симфонических, песенного и хорового творчества и т. д.

«ПАРТИЗАНСКАЯ ПРАВДА» ВЕДЕТ БОЙ

Где-то совсем недалеко, на лесной дороге, ведущей к лагерю, ведет тяжелый бой третья бригада ленинградских партизан...

Здесь, на снимке, вы видите партизанский «тыл». Все вокруг ходуном ходит от близких разрывов. Через полуоткрытую дверь типографии, примостившейся в землянке, слышно, как в ветвях могучих елей, нависших над входом в землянку, то и дело щелкают, осыпают на землю шишки и хвою разрывные вражеские пули, долетающие с «фронта».

Наборщица Анна Бодунова готовит очередной номер «Партизанской правды».

В бригаде есть два величайших для партизан ценности.

Первая — радио, которая обеспечивает связь с далекой, но близкой «Большой землей», — с советским тылом, делает его слышным и достижимым, позволяет узнать правду о том, что происходит по ту сторону фронта.

Вторая — партизанская типография. Это оружие, порой не менее опасное для врага, чем партизанские гранаты и автоматы. Здесь печатается газета, которая рассказывает людям, живущим в оккупированных районах, правду о событиях войны, зовет к борьбе, разоблачает преступления гитлеровцев и их пособников.

Сотни небольших листков «Партизанской правды» разлетаются по селам и местечкам, проникают в города, где стоят гитлеровские гарнизоны, и повсюду зачитываются до дыр...

Чем могла противостоять «Партизанской правде» лживая гитлеровская пропаганда? Бредовые вещания бесноватого фюрера в грязной геббельсовской газетенке, издававшейся на русском языке для населения оккупированных районов? Ее никто не читал!

В номере «Партизанской правды», который вы видите на снимке, есть примечание: «От редакции: в связи с боевой обстановкой этот номер газеты вышел на сутки позже».

Такое случалось не раз. Газета выходила в промежутках между боями, вертелась на марше, на коротких привалах, под открытым небом, в темных землянках... Она вела бой, как солдат.

В. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

Фото М. Трахмена

РАЗДУМЬЯ У ОБЕЛИСКА

Вадим СОКОЛОВ

УЖЕ ПОТРЕСКАВШИЙСЯ от ветра, посеревший от дождя и несущейся пыли, обелиск уже не блестит в лучах заходящего солнца. Его ставили армейские саперы, ставили не на века, а «пока что»...

Гвардейцы сделали свое дело — они сбросили врага в море и двинулись дальше, оставив на могиле своих однополчан напоминание тем, кто вернется сюда после войны:

«В груди великого города будет вечно биться сердце славы».

Война кончилась через год после освобождения Севастополя, и для людей, которые съезжаются 9 мая на Сапун-гору, этот день памятен вдвойне: первое мирное утро дымящихся руин города-героя (Севастополь потерял в боях 97 процентов своих жилищ) ровно через год стало днем нашей всеобщей победы. Пришла пора «считать раны, товарищей считать...». Вспомним: севастопольцы были в числе тех, кто в воскресное утро начала войны принял на себя первую бомбовую атаку гитлеровцев. Через четыре месяца армии Манштейна уже окружили и отрезали последний клочок крымской земли. Сколько можно продержаться под непрерывным огнем и натиском господствующего врага? Севастопольская оборона продолжалась 250 дней! Фашисты давно уже под Москвой, рвутся к Волге и на Кавказ, а мы пишем и находим неизменную, как клятва, строчку ежедневной сводки: «На Севастопольском участке фронта продолжаются ожесточенные бои...» Находим каждый день — до 3 июля 1942 года.

А потом? Два года спустя собравшиеся в кулак гитлеровцы попытались повторить историю — превратить ту же самую Сапун-гору в свой последний рубеж, в «каменный фронт» на подступах к Севастополю. И что же? Стремительным, попирающим огонь и смерть штурмом советские солдаты за три дня овладели Сапун-горой, а затем и городом. Об этом штурме до сих пор рассказывают легенды и вспоминают факты, похожие на легенды: о сто первом танке, обошедшем врагов по Золотой балке после того, как сто его друзей своими трупами проложили дорогу через минное поле; о семерке лейтенанта Державина, вплавь добравшейся до Графской пристани и поднявшей панику в тылу фашистов...

Подсчитано — миллион советских людей приезжает ежегодно в Севастополь. Они проводят здесь несколько дней, иногда считанные часы от поезда до автобуса, — они хотят почувствовать и понять то, что отказывается воспринимать человеческая фантазия. Здесь нет санаториев, но люди приезжают сюда, чтобы утолить боль, — ту незаживающую боль в сердце, которую оставила война в каждой семье. Это даже не долг, это — естественная человеческая потребность: прикоснуться сердцем к мужеству, к подвигу, к памяти о тех, кто оставил нам в наследство жизнь и счастье быть такими, какие мы есть, какими мы будем...

И скажем честно: сегодняшний Севастополь еще мало готов к этому.

КОНЕЧНО, он и нынешний бережно хранит самый дух Севастопольской обороны — той, первой, в Крымскую войну. Не случайно (и по справедливости!) все путеводители в один голос начинают перечисление достопримечательностей города со знаменитой Панорамы Рубо. Приехав в Севастополь, я тоже первым делом поднялся к Панораме, обошел Четвертый бастион, стал спускаться по Историческому бульвару... И тут впервые подумалось о тех, кто не только повторил, но и тысячекратно преумножил подвиги столетней давности, — о героях нашей, второй Севастопольской обороны. Где память о них? Город как на ладони: вот совсем рядом памятник Тотлебену, вишу — памятник Нахимову, рядом — Графская пристань, а дальше — Константиновский равелин. Братское кладбище, оставшееся еще от той, от первой обороны...

— Скажите, — обратился я к отдыхавшему на лавочке пенсионеру, — а где братское кладбище героев этой войны?

— Вам, собственно, какое? — ответил он. — Есть кладбище бригады Горпищенко, там рядом еще могилы... Простите, запамятовал, какой части. По дороге на Балаклаву кладбище грузинской и армянской дивизий. Потом братская могила на Северной стороне, где Дворец у Хрусонеса...

Чем дальше объяснял старожил, тем яснее становилось: единого места памяти о героях нынешней обороны в Севастополе нет — есть лишь разбросанные по всем окрестностям кладбища и памятники. Лишенные какого-либо единого замысла, да и поставленные в ту военную пору «подручными средствами», они, конечно, быстро потерялись среди монументальной, тщательно обдуманной и с блеском выполненной архитектуры прошлых лет.

На том же Историческом бульваре есть напоминания о героях наших дней. Но, пожалуй, лучше бы их не было: горько и стыдно видеть рядом с великолепными скульптурами прошлого грубо размалеванные холсты «времянки», силящиеся запечатлеть «подвиг моряков-комсомольцев» или «снайперов героической обороны». Нас могут спросить: а разве нет в Севастополе иных, подлинно художественных памятников нынешней обороны?

Прежде всего это недавно открытая диорама П. Мальцева «Сапун-гора в мае 1944 года». Художник-баталист и его помощники проделали большую, долгую и сложную работу, их успех стал бы решающим и бесспорным, если бы... Если бы не существовало в том же Севастополе Панорамы Рубо.

Мужество наших дней в своей основе соотносимо и родственно мужеству времен матроса Кошки, но современная война и современное самосознание народа придали новому историческому подвигу иные масштабы, обстоятельства, краски. Подвиг прошлой обороны умножился временем и травяжие, и в силе, и в массовости своей. Вот почему искусство художников тоже не могло повториться ни в замысле, ни даже в жанре — оно обязано было «помножиться» на время. Быть может, на этот раз «панорамой» для художников могла стать не копия, как бы ни велик был ее масштаб, а сама Сапун-гора — вся, как она есть, с не заросшими еще траншеями и дотами. А может быть, новизна решения лежала в совсем ином — условном подходе, обнажающем и укрупняющем смысл происшедших здесь событий? Не берусь советовать, но подвиг Севастополя обязывает к особому, «масштабному» художественному выражению...

Три года назад над Малаховым курганом вспыхнул вечный огонь в память о Неизвестном воине — добрая и славная традиция! Но, кроме неизвестного, ведь были и тысячи хорошо известных подвигов: вторая Севастопольская оборона, как и первая, имела свои выдающихся героев. Где их имена? Пылятся в архивах, изредка мелькают в музейной экспозиции, а на улицах — в лучшем случае безымянный камень. Что ж, эти памятные камни тоже нужны, особенно когда «вписываются» в героический облик города так естественно и просто, как «вписался», например, застывший в бессмертном порыве символ летчиков-черноморцев на Малаховом кургане. Жаль, что ни на одной из площадей нет такого же символа бесстрашия и мужества морских защитников Севастополя. Гордый орел на скале у Приморского бульвара напоминает о «кораблях, затопленных в 1854—1855 гг.» — трагичная и славная страница столетней давности! Но вот уходят на переплавку последние свидетели второй обороны — сокращается до минимума надводный флот. Кто же, если не матросы-черноморцы, оставит в Севастополе памятник о высшем, лучшем своем подвиге?

Напомним, что и панорама Рубо, и памятник Погибшим кораблям, да, по сути дела, вся эта единая и прекрасная архитектурная оопел первой Севастопольской обороны была создана в 1905 году, — к пятидесятой годовщине подвига. Создавалась она на пожертвования всего народа. Со времени нынешней обороны минуло двадцать лет, но ведь иные времена, иные темпы!

Мы понимаем: не забывая о мертвых, страна должна первым долгом позаботиться о живых. И как первый, лучший памятник погибшим здесь героям поднялся и продолжает строиться новый Севастополь, великолепно соединивший в себе белизну инкерманского камня и голубизну моря. Он удивительно, если можно так сказать, естественно «архитектурен», этот красавец-город из белого камня: как выдумка самой природы, обегает и море террасы — улицы его холмов, он слился с гранитом скал, с зеленью садов, с глубокими прорезями своих бухт настолько, насколько хороший актер сливается с ролью, хорошая книга — с жизнью. А ведь этот город вырос из руин! Ну, а как же с памятниками?

Миллион людей в год приезжает сюда «прикоснуться сердцем» к подвигу Севастополя, а множество других, не имея возможности приехать, посылает в адрес Севастопольской конторы Госбанка несколько рублей своих сбережений на памятники погибшим. Они не хотят ждать, — они хотят сами, не передоверяясь внукам и правнукам, обессмертить имена тех, кто жил и погиб рядом с ними. Мы, а не внуки, знаем точно, что такое штурм Сапун-горы, оборона Одессы, блокада Ленинграда... Плюс дань не только родственники погибших и похороненных здесь — обращаются отцы и матери, потерявшие сыновей на всем великом поле войны. Мой старший брат погиб не под Севастополем, а где-то на Северо-Западном фронте, но разве отец, мать и я, лишенные жестокостью войны возможности побывать на его могиле, — разве мы не мечтаем о памятнике таким, как он? Севастополь по тысяче причин может — и должен! — стать величественным символом мужества и геройства!

Стать талантом вровень с этими героями — таков вызов времени всем великим и новым творениям! Я уверен: если Севастополь бросит клич и представит художникам-добровольцам высокую честь создать на его священных холмах поэму в память о погибших — за талантами дело не станет.

Люди тянутся к Севастополю, они хотят отдать ему — и как уже помочь этому патриотическому почину — и талант и личные сбережения. Не от бедности бюджета, а от богатства души приходит желание своим трудом и деньгами обессмертить имена героев!

ИДЕТ ГОД 1961-й, двадцатый год с начала войны. Отстроились разрушенные города и села, выросли и встали на ноги сироты, но по-прежнему десятки книг и тысячи, сотни тысяч людских рассказов начинаются фразой: «В то солнечное воскресное утро 22 июня...» Многое в жизни изменила война, многое в судьбах одной семьи и всей страны поделила на «до» и «после». Но главное, о чем мы узнали «после» (и долго еще будем узнавать!), — это величие и красота души нашего современника, распрямившегося в полный рост навстречу смертельной опасности. Таким — высоким и красивым — был он в пограничном Бресте и в осажденном, вымирающем от голода Ленинграде, в полосато-зеленой, ощетинившейся Москве октября сорок первого года и в желтом от пота, дыма, госпитальных бинтов и непосильного напряжения Ташкенте того же порра. Таким он представился мне ныне с бурого, навечно порыжевшего то ли от солнца, то ли от крови плоскогорья Сапун-горы.

Высокой и красивой была севастопольская «Анка-пулеметчица» — Нина Онилова, которая незадолго до своей гибели мечтала: «Сюда бы Льва Толстого... Он придет, новый Лев Толстой, и принцы бессмертия тебя, любимый, вечный наш Севастополь!»

Такими мы были, такими, если потребуется, мы будем снова. Вот рядом этого и нужно помнить о памятниках и менять отслуживший цемент и фанеру солдатских обелисков на мрамор вечности.

ПРАВИЛЬНЫЙ ЗАКОН!

ПРЕЗИДИУМ Верховного Совета РСФСР принял Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

Можно уверенно сказать, что Указ этот рождался в недавних спорах на страницах печати, в массовых дискуссиях под лозунгом «Кто не работает, тот не ест», что проходили повсюду.

— Перед тем как мне идти сюда, — рассказывал на совещании, созванном «Литературной газетой» по борьбе с тунеядством, С. Гаврилов, бригадир завода «Шарикоподшипник» № 2, — мы собрались с ребятами в цех. И меня просили передать, что думают рабочие. Всех злостных тунеядцев выселять не на 101-й километр, откуда ходит электричка, а в отдаленные, необжитые районы. И там дать им право пользоваться только тем, что сами создадут!

На это с одобрением откликнулись многие участники совещания. За это горячо ратовали писатели, предлагавшие направлять дармоедов в специальные колонии, где влиять на них будет самый великий воспитатель — труд.

Ведь что происходило до сих пор?

В особо вопиющих случаях милиция лишала паразита прописки в крупном городе. Штамп прописки крест-накрест перечеркивался в паспорте. И все. Работать тунеядца не заставляли. Проследить, чтобы он действительно уехал из города, практически было трудно. Выходит он из милиции и принимался за прежнее. А то и за что-нибудь похуже — безнаказанность разлагала.

Уже несколько лет аннулирована московская прописка у спекулянта Юрия Захарова. Он «отрегулирован» на это, перекочевав из квартиры родителей к бабушке, живший тут же, неподалеку. И на потерпевшего ограбленным, ограбленного остатков общественной пассивности, выражаемой в «поговорках», вроде «пусть милиция ловит...» А участие в практическом осуществлении Указа повысит нетерпимость наших людей ко всякого рода частнособственническим, стяжательским настроениям.

Принят очень хороший закон. Правильный!

А. ЛАВРОВ, О. ЛАВРОВА

Посвящается сорокалетию Советской власти в Грузии

БАЛЛАДА

1.

Идет к концу февраль тифлисский.
Он весь — на остром сквозняке.
Платанов скорченные листья —
в его протянутой руке.
И он на город зябкий смотрит
из-под нависших облаков.
И фаэтоны мокнут-мокнут
без седоков, без седоков.
Кому теперь кататься в ночи?
И, глядя со своих высот,
тоскливо думает извозчик,
кого он завтра повезет.

2.

По городу гуляет полночь
в дожде от маковки до пят.
А жители часов не помнят
и притворяются, что спят.
Никто не спит.
Темно и жутко.
Все перемен наутро ждут.
Особотрядчики в «буржуйках»
на всякий случай папки жгут.
И тайны длинных коридоров,
и осужденных голоса,
и запах спешных приговоров
уходят с дымом в небеса.

3.

Есть в переулке домик старый.
Там прачка старая живет.
Дверь — на ключе.
Закрыты ставни.
Холодный дождь веревки вьет.
Он вьет и плачет, вьет и плачет,
мигает лампы желтый глаз.
Привычно прачка бомбы прячет
не в первый раз, не в первый раз.
Грузинка с тихими глазами,
согнувшаяся от забот...

Четыре сына верят маме
не первый год, не первый год.
Никто не спит.
Все смотрят в оба.
Не спится маме у окна.
На чердаке не спится бомбам
в бочоночке из-под вина.
А на дворе темно и сыро.
А маму ожиданье жжет.
А мама ждет.
О, мама ждет,
когда придут четыре сына,
когда в свой дом они войдут...
А может, просто их введут?..
А может быть, не доведут?..
И у порога выстрел грянет,
в два пальца пуля просвистит.
Ей нужно — и она достанет,
не пожалеет, не простит.
И только охнет вскрик короткий,
и станет пусто на дворе.
И снова маузер — в коробке,
в своей дубовой кобуре,
как пес дворовый — в конуре,
как старый желудь — в кожуре...

4.

Никто не спит.
Февраль томится.
Все перемен наутро ждут.
Особотрядчикам не спится —
четыре сына их гнетут.
Меньшевиков клубок оснный
уже предчувствует конец.
А за окном — четыре сына,
а самый младший — мой отец.
И вижу я сквозь годы это,
все это накрепко во мне:
вот новый день встает с рассветом,
и флаг багряный — в вышине,
Вот зали последний назревает,
вот прогремел он и затих.
Вот заводской оркестр играет
на октябрьских на моих.
Вот, как отец, с презреньем к смерти,
с благоговением к стране,
я сам — уже солдат, заметьте,
и сам шагаю по войне,
и с тем врагом, мой свет кралущим,
так не добра моя рука...
Но это все пока в грядущем,
пока в грядущем.
А пока...

5.

Никто не спит.
Никто.
До сна ли?
Все начеку.
Судьба к судьбе.
Четыре сына — в Арсенале,
четыре сына — в Дидубе,
в Наталовке — четыре сына.
И бой часов, как стук сердец.
Четыре сына — это сила.
И самый младший — отец.

6.

Я знаю: завтра, завтра, завтра,
едва забрезжится заря,
меньшевики уйдут на запад,
последней рухлядью соря.
В разлуку верю и не верю,
не добряцаешь до весны,
они покинут этот берег.
Четыре сына им страшны.
У пароходов там, в Батуме,
качнутся черные бока.
«О Грузия! Кто мог подумать?..»
Но это завтра.
А пока...

7.

Уязваны баулы срочно.
Глядят сквозь ставни господа.
Не накрахмалены сорочки.
Уже не ходят поезда.
Они глядят сквозь ставни мрачно:
там утро новое встает.
И с тягими глазами прачка
выходит гордо из ворот.

8.

И вижу я в рассвете синем:
через порог, что стар и крут,
ее ведут четыре сына,
под локти бережно ведут.
Пускай февраль сырой и грязный,
и кони пусть несут, храпя...
Ах, прачка, ты не знала разве,
что эти кони для тебя?
Давай, нахлестывай, извозчик,
по мостовой, по мостовой!
Везя-ка старую на площадь —
там будет митинг мировой!
Там будет все теперь, как надо:
под бой часов, под стук сердец
четыре сына встанут рядом,
И самый младший — мой отец.
Под песню первого рассвета
лети, пролетка, так легка,
вдоль Головинского проспекта...
Но это завтра.
А пока...

9.

Никто не спит.
И, как сквозь сито,
дождь сыплет, непродолим.
Никто не спит.
Четыре сына
проходят городом своим.
И слышу я в рассвете синем
под бой часов, под стук сердец
они поют.
Четыре сына.
И самый младший — мой отец.

10.

И выхожу я сам к рассвету,
и сам иду туда, туда,
куда уносит песню эту
Куры февральская вода.

ЩЕДРОЕ ПОЛЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Дело в том, что благодатные условия совместных посевов способствуют необычайной кустистости пшеницы. Отмечены случаи, когда из одного зерна развивалось 40, 50 и даже 70 продуктивных стеблей. Вот средние данные восьмилетних опытов: от одного зерна обычных весенних и осенних посевов образовалось 2,05 стебля с 48 зернами. При двойных посевах цифры совсем другие: 5,8 стебля и 226 зерен. Тут уже речь идет не о том, чтобы вырастить два колоса там, где рос один. Юрин мечтает теперь о более высоких урожаях зерновых.

Стоит привести еще одну цифру. В колхозе имени Чкалова на производство центнера зерна совместных посевов расходуют в два с половиной раза меньше человеко-часов, чем при обычных раздельных посевах.

Колхозники артели имени Чкалова первыми поверили в идею Юрина и применили ее в производственных условиях. И не только на зерновых. Новый метод посевов оказался не менее эффективным на картофельных и овощных полях. В колхозе сажают ранний прораненный картофель и тут же через борозду — неровризированный поздний. Высевают в один день ровризированные и неровризированные семена моркови. Высаживают рядом рассаду ранней и поздней капусты. И опять цифры убеждают: урожай с участков совместных посевов почти вдвое превышает обычный.

Но ЕСЛИ посеять на одном поле рядом, по соседству, ранний и поздний сорта кукурузы?

Н. С. Хрущев в реплике во время выступления на январском Пленуме первого секретаря ЦК Компартии Эстонии Н. Г. Побина посоветовал:

— ...Может быть, сеять через рядок: рядок позднеспелой, но высокостебельной кукурузы, а рядок низкорослой, но раннеспелой, и тогда у вас может быть хорошее сочетание — будут и зеленая масса, и початки. Или может быть, один рядок высокорослой и два рядка низкорослой, но раннеспелой кукурузы. Одним словом, тут надо экспериментировать с тем, чтобы создать такую комбинацию сортов кукурузы, которая дала бы наибольший выход кормовых единиц с гектара.

Петр Юрин начал ставить такие опыты еще десять лет назад. В том же колхозе имени Чкалова и позже на агробиологической станции Московского университета, где сейчас работает, он высевал совместно ровризированные семена разных сортов и неровризированные семена позднего сорта кукурузы.

И получалась такая же картина, как на посевах зерновых культур.

Прораненные семена раннеспелой кукурузы всходили на неделю раньше. А потом под покровом первых всходов лучше и быстрее развивались семена позднего сорта. В совместных посевах кукуруза была крепче, лучше переносила холода и другие невзгоды природы, была устойчивее против сельскохозяйственных вредителей.

Каждый раз совместные посевы намного повышали урожаи. Прибавка его достигала 80 процентов. И всегда получали початки молочно-восковой спелости, которые по питательности почти не уступают сухому зерну.

В 1960 году многие подмосковные хозяйства испробовали совместные посевы на кукурузе. И не прогадали. В Волоколамском районе, например, каждый из 280 таких гектаров принес по 527 центнеров зеленой массы и початков. Те же сорта кукурузы, но посеянные, как обычно, на разных полях, дали по 378 центнеров.

ИТАК, экспериментировать стоит! Это уже давно было ясно. Юрин не раз предлагал Министерству сельского хозяйства СССР поставить опыты. Но поддержки не встретил.

Юрин сам ездил в Белоруссию, Воронежскую область, Прибалтику. Опыты следовали один за другим. Каждый год. Десять лет подряд. Но министерство и после этого не поддержало прогрессивный метод, несмотря на то, что многочисленные опыты подтвердили его огромные преимущества.

И снова убеждаешься, сколь важны для страны перемены, свершенные в министерстве после январского Пленума! Теперь-то уж оно по самой своей сути обязано заниматься достижениями науки и передового опыта.

Метод совместных посевов, разработанный Петром Юриным, как бы снимает грань, разделяющую северные районы от южных. И здесь, на Севере, можно получать высокие и устойчивые урожаи зерновых, можно получать кукурузное зерно.

Вырастить два колоса на поле, где рос один! Получить зерно кукурузы на земле, доселе не знавшей его! Что может быть благородней и важнее этого!

Дорога проложена. Путь указан. Давайте же теперь смелее и шире экспериментировать!

У НАС В ГОСТЯХ

На очередной творческой встрече в редакции «Литературной газеты» выступил коллектив недавно родившегося студенческого интернационального театра Московского университета. Главный режиссер театра М. Мерцин рассказал о том, как в атмосфере теплой дружбы под гостеприимным кровом МГУ складывается новый театр, в творчестве которого принимают участие прибывшие в Советский Союз на учебу студенты многих стран.

Студенческий театр познакомил собравшихся с фрагментами из своей программы, исполнив песни и танцы Конго, Вьетнама, Судана, Индонезии, Китая, многих народов Советского Союза.

В концерте приняли участие Фидель Масамба (Конго), Нгуан Дин Тузи, Лао Сыонг (ДРВ), Эльтеб Юсиф, Ахмед Бушара, Асим Омер, Мазуф, Салах Ибрахим, Фарух, Хасан Махгуб, Ахмед Арабн (Судан), Софьян Эффенди, Ридван, Сатото Будиарто, Ваю Сри Мулиа, Мурсид Джоколелоно, Мугирто, Шафри Амиршах, Сламет Гернопо, Хенчи Туапаттиная, Ваю Сарбо, Маулана, Самуел Тамбуаун, Тум Астмаини, Самсиах, Амир Хамзиах (Индонезия), Гао Лан-хуи, Кан Вынь-цзя, Ли Шуэнь, Тан Чжуэ-цинь (Китай).

В программе также выступили советские студенты Галина Малинова, Зухра Умарова, Алла Мирина, Валерий Харченко, Алла Курочкина, Виктор Дубинчук, Юрий Антонов, Виктор Мисанов, Евгений Мартынов. Ненужные танцы были исполнены в постановке Л. Назаровой. Программу вела Марина Тулисова.

Редакция «Литературной газеты» выражает благодарность всем участникам этой интересной встречи и желает студенческому интернациональному театру МГУ творческих успехов.

НЕВНЯЯ ПАМЯТЬ

Павел КОРИН

В ТРЕВОЖНЫЕ времена истории, в переломные эпохи жизни человечества подлинное, большое искусство всегда служило людям голосом совести и знамением борьбы.

Неоцениимы от грозовых дней войны Испании против нашествия Наполеона страстные оформы Гойи. С баррикадами французской революции 1830 года слиты в сознании каждого образы Делакруа и циклы Дозье. Трагедия Германии запечатлена в творчестве Кете Кольвиц, прозвучавшем в начале века как проклятье войне и социальной несправедливости.

Примеры могут быть приумножены. В каждой стране есть высокие имена художников—полководцев своего времени, «часовых идеала», сердцем своим принявших к сердцу народа и создавших творения глубоко человечные, выстраданные и впечатляющие. С благодарностью и гордостью произносят люди эти имена. Они подобны кострам, зажженным на вершинах, освещающим дорогу на столетие вперед, напоминающим постоянно о великой ответственности человека на земле, о великой ответственности художника.

Жизнь требует сегодня более чем когда-либо героического энтузиазма и героического искусства. В мире все громче раздаются воззвания:

«Да здравствует мир без оружия!»

«Да здравствует мир без войн!»

И каждый, кому дороги свободный и мирный труд, величайшие ценности, созданные гением человека, ясное небо и детский смех, отвечают на этот призыв действием своих рук, своего ума и своего таланта.

Художник Борис Иванович Пророков создал новую серию «Это не должно повториться». В историю советского искусства вписана еще одна пламенная страница.

Пророков сказал о войне свое слово, вынес приговор как художник, коммунист и солдат. В образах, насыщенных гневом и мощью, он поведал сегодня о том, что пережили люди в страшные годы войны и фашизма. И именно потому, что жизнь художника была неотделима от жизни Родины, что судьба народа была его собственной судьбой, его искусство так правдиво.

В серии Пророкова трагедия народа, отражающего мощный вихрь нашествия, встает как подвиг народа, в величайшем испытании проявившего такую нравственную силу, стойкость и мужество, которые были сильнее страданий, сильнее самой смерти. Они помогли выстоять и победить.

В работе художника и вижу черты высокого, большого искусства. Я вижу убежденность, преданность одной мысли, тот благородный «фанатизм идей», веру в свое дело, без которых ни в искусстве, ни в науке нет истинной жизни.

В пафосе творчества Пророкова мы узнаем и наше время с его устремлениями и борьбой, и самого художника, его голос раненого солдата, поднявшегося на защиту жизни. А это первый закон действенной власти искусства — слитность основной думы художника с решающей думой века, отношение к творчеству своему как к делу жизни, отданной достойной цели. Потому что борьба за свободу, борьба за мир — самое святое дело наших дней. И подвигу народов, восставших против угнетения, против угрозы войны, должно отвечать искусство, равное подвигу, — такое, как искусство Пророкова.

Думая о серии «Это не должно повториться», я хочу отметить еще одну примечательную ее особенность. Я говорю о широте концепции художника, о масштабности искусства. Серия имеет общечеловеческий смысл, общечеловеческое звучание. Серия создана человеком, рожденным в России, сильно и нежно любящим поля и реки России, глубоко понимающим поэтический язык Гоголя и Пушкина, музыку Рахманинова и Скрябина. Но работе своей он придал интернациональный характер и значение. Некоторые были склонны упрекать художника. Мол, образы, созданные им, лишены национального колорита, национальной типичности, они могли бы принадлежать и Норвегии, и Мексике.

Но Пророков имел право, решая свою тему, пересекать пограничные столбы времени и пространства. Война несет страдания всем людям на земле. И Пророков писал свои листы так, будто видел перед собой разрушенные бомбами русские города, и тревожные ночи Мадрида, и разбитые кварталы Варшавы, и пепелища Хиросимы, и руины Пхеньяна.

Каждый лист серии «Это не должно повториться» — обращение к совести человечества, призыв к бдительности, к единению людей, грозное «Я обвиняю!», выраженное языком большого искусства.

Пророков, создавая серию, был верен и гуманному началу своего творчества, и природе подлинного искусства, потому что подлинное искусство, даже говоря языком трагедии, не пригибает к земле, не подавляет душу. Оно всегда остается песней во славу человека; в звуках траурного марша Бетховена мы слышим: герои Бетховена погибают стоя. Оно воодушевляет, оно возносит нас на вершины человеческого духа. Потрясение, которое испытываем мы при виде бессмертных созданий человека, укрепляет в нас волю к победе, очищает от всего мелкого и дорого, от тусклых красок, от бесцветных чувств. Мы находим в творениях большого искусства утверждение истинных ценностей жизни и единственно достойных человека целей.

Окрыляющая, зовущая вперед и только вперед революционная сила искусства необходима нам сегодня.

В серии Пророкова мы находим многое из того, что дорого нам в творчестве больших мастеров. Весь пафос, всю страсть художник отдал идее защиты жизни. Вспомним один из лучших листов его серии—«Мать»: художник достигает в нем эпической силы воплощения.

Женщина стоит спокойно, полная суровою величия и гордого достоинства матери, с заснувшим ребенком у груди и боевой винтовкой за плечом. Женщина стоит спокойно, и в этом спокойствии чувствуются безграничная решимость, и сознание правоты, и сознание непоеодимости. Это—образ торжества жизни, победы любви, олицетворяющей бессмертие народа.

Война оставила немало мест, названия которых люди произносят со скорбью и гневом. Как неизгладимое в памяти сердца воспоминание и как присягу на борьбу с угрозой войны решает Пророков свой лист «У Бабьего Яра». Три женщины замерли в траурном молчании. Словно немой возглас горя, ужаса и боли не закрывают горе-вдом старуха остановившимся взглядом смотрит вниз, прикрывая ладонями догорающую свечу. А лицо третьей — молодое, светлое, обращено к жизни и выражает ту степень волевого напряжения и духовной собранности, которую определяют как готовность к подвигу.

Каждый листок серии Пророков обвиняет войну — преступление перед человечеством. Работа художника посвящена женщинам и детям, и это еще раз подтверждает гуманизм его искусства.

Серия проникнута верой в человека, чью духовную красоту ничто невластно сломить. Трагичен и прекрасен образ женщины в листе под названием «Голод». Какой возвышенной скорбью дышат черты тонкого лица, заострившегося, измученного и все же не утратившего одухотворенного благородства. Черный платок, покрывающий тяжелой массой голову и плечи женщины, напряженный узор чугунной ограды создают ощущение скорбной, величавой мелодии.

И по силе вложенного чувства, по выразительности пластических средств это произведение звучит как симфоническая поэма о том, что пришлось вынести и выстоять людям, что не должно быть забыто и не должно повториться.

Серия Пророкова — это обращение художника-трибуна к многотысячным массам народа. А отсюда—и публицистический стиль его художественно-образной речи, монументальность и эпическая масштабность образов, обобщенность и простота в решении каждого листа, отсюда—суровое созвучие красок и чеканный ритм плаката.

Война — войне! Да не узнает человечество трагедии уничтожения. Да сбудется извечная мечта людей, выраженная в словах поэта:

— Пока не поздно — старый меч
в ножны.
Товарищи! мы станем — братья!

К этой высшей цели направлен труд Пророкова. Он сказал о войне через 15 лет, нарушая предписания врачей, запретивших ему напряженно работать. Он остается воюющим солдатом армии мира. И серия «Это не должно повториться», за создание которой Пророков удостоен Ленинской премии, — победа художника, победа нашего искусства.

ГДР

МАЙ, 1961

В Германии много небольших старинных городов. Таков, например, Майсен с его знаменитым собором и пользующимся всемирной известностью фарфором.

Инженер Рихард Зигесмунд: «Работаем на пограничном трансформаторном заводе имени Карла Либкнехта. Получил образование в народном государстве, он теперь сам имеет немало учеников на своем предприятии.

ВЕРИТЕ ВЫ В ЧУДО?

Александр РОЗЕН

СЕРДИТЫМ людям кажется, что их постоянно обманывают. Особенно часто они жалуются на литературу: «Опять сочиненное выдали за быль, а быль назвали чудом, а чудес, как известно, не бывает». Они сердятся, когда читают о «сиреневом цвете, таком мягком от теплоты, или о том, что «у старых лип и берез, белых от инея, добродушное выражение». Но ведь это Чехов! Ну, и что же? Как известно, и у него бывали заблуждения...

Они не помнят ни «напоенного светом январского утра» из начинского «Зимнего дуба», ни «тень, ближающих самые далекие предметы».

В свое время я слышал, как один сердитый человек разносил рассказ Георгия Холопова «Романтик на коне». В дни боев за Вену прославился наш солдат, раненный и оставший верхом на коне. В те дни вёнцы сложили о нем легенду.

Почему же этот горячий патриотический рассказ не понравился? Да очень просто: кто же в конце войны воевал верхом на коне? В дни, когда вся наша армия уже была на колесах и гусеницах? Выдумаю же такое!..

Мне нравятся рассказы Холопова, их сюжеты, несколько эксцентричные, но впечатляющие именно своей неожиданностью, нравится — по контрасту — неторопливая интонация рассказчика.

Несколько отличных рассказов, на мой вкус, есть в новом, только что вышедшем небольшого сборника в скромной бумажной обложке, со вкусом оформленной художником М. Новиковым.

Видели вы истового бюрократа, «рыцаря показухи», на войне? В рассказе Холопова «Верите вы в чудо?» есть такой генерал — директор мебельного магазина, эвакуировался из пограничного городка в Петрозаводск и обосновался в гостинице «Северной».

«— Верите вы в чудо?.. Я из-под самого носа врага увез продукцию мебельной фабрики. До последнего стола и шкафа!» — сладкий шепелит, показывает перехитре. И хотя Холопов в то время воевал на Карельском фронте, он увидел нечто такое, чего мы здесь, в Ленинграде, не замечали.

Точное художественное видение есть и в рассказе «Цигарка». В землянку командира полка входит новый помощник начальника штаба. Он привез из Москвы в подарок новому начальнику коробку табака самого высшего сорта. Командир полка благодарит, но замечает, что ему приходилось курить на фронте и лучший табак. В конце рассказа читатель узнает, что когда полк с боями пробивался к Свири, солдаты и офицеры голодали, курили мох, сушеные листья. И вот как-то, в канун Октября, солдаты решили сделать подарок командиру полка. Они обошли всех, кого могли, вывернули карманы и, как величайшую драгоценность, собрали немного махорки и свернули из нее цигарку. Вот эту октябрьскую цигарку командир полка и выкурил, и она осталась у него в памяти как наилучшая. И характерный для манеры Холопова «двойной» конец:

развалинами «Северной» — громадные уродливые гардеробы.

Казалось бы, что здесь конец рассказа. Но очень хорошо, что Холопов не поверил мнимому концу. Читатель узнает, что эшелон, был подан для эвакуации свинсовхоза. Но директор мебельной фабрики, воспользовавшись суматохой, погрузил свои дурацкие столы и исчез с ними. Пограничники решили уничтожить стадо: иначе враг на целый год был бы обеспечен мясом. Раненый пограничник и свиное рыло чиновника — эта запоминается, это терабит душу. Смело соединив две сюжетные линии, писатель добился художественного эффекта.

Другой рассказ называется «Старуха идет по лесу». И здесь необычному противопоставлена обыденность войны. Идет машина с включенными фарами. Обычный военный сейсак: вконец разбитая деревенька, братская могила, снова лес. И вдруг навстречу какая-то старушка тащит санн.

«— Куда ты держишь путь, бабушка?

— На Урал, сыночек... На Урал!..

— Из Ленинграда да на Урал? Ведь это очень далеко, бабушка.

— Знаю, сыночек, да что поделать. Везу старинку, инструмент. Сам уехал с заводом, а инструмент оставил. Личный он у него, всю жизнь собирал...»

Могут возразить, что эвакуация шла у нас планомерно и, конечно, пешком из Ленинграда на Урал никто не двигался. Но эта старуха говорит об очень многом. И то, как она тащит свои санн, и этот знатный инструмент питерского рабочего, и ее гордость — «вы мне не попутные» — это детали подлинно художественные. Между прочим, цикл рассказов «Ленинград в блокаде» как-то по-новому показывает пережитое. И хотя Холопов в то время воевал на Карельском фронте, он увидел нечто такое, чего мы здесь, в Ленинграде, не замечали.

Сборник рассказов Холопова, в котором много ярких писательских находок, я бы назвал по одному рассказу: «Верите вы в чудо?»

Сердитым людей не надо бояться.

ЛЕНИНГРАД

«— Куда ты держишь путь, сыночек?

— Из Ленинграда да на Урал? Ведь это очень далеко, бабушка.

— Знаю, сыночек, да что поделать. Везу старинку, инструмент. Сам уехал с заводом, а инструмент оставил. Личный он у него, всю жизнь собирал...»

Могут возразить, что эвакуация шла у нас планомерно и, конечно, пешком из Ленинграда на Урал никто не двигался. Но эта старуха говорит об очень многом. И то, как она тащит свои санн, и этот знатный инструмент питерского рабочего, и ее гордость — «вы мне не попутные» — это детали подлинно художественные. Между прочим, цикл рассказов «Ленинград в блокаде» как-то по-новому показывает пережитое. И хотя Холопов в то время воевал на Карельском фронте, он увидел нечто такое, чего мы здесь, в Ленинграде, не замечали.

Точное художественное видение есть и в рассказе «Цигарка». В землянку командира полка входит новый помощник начальника штаба. Он привез из Москвы в подарок новому начальнику коробку табака самого высшего

ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

О сопротивлении мужественных французских патриотов рассказывают поэмы, дневники, повести.

Недавно к таким правдивым свидетельствам прибавилась написанная Александрой Тверитиной документальная книга «Форт Роменвиль», первоначально опубликованная в журнале «Звезда» и вскоре вышедшая отдельным изданием.

Среди многих тысяч заключенных, брошенных фашистами в казематы крепости Роменвиль, А. Тверитинова была единственной советской гражданкой.

Французский патриот коммунист Жак Карассо в последнюю свою ночь перед расстрелом передал ей записку:

«Ты с достоинством представляла здесь твою огромную, озаренную солнцем страну. Твоя бодрая улыбка была всем нам поддержкой и примером...».

Борцам французского Сопротивления, мертвым и живым, посвятила теперь А. Тверитинова свои записки.

На переплете книги изображена наручная повязка с 437-м номером и крупными буквами НЗЭ (СССР).

Их нетрудно ни было той, которая носила эту метку, она помнила: здесь, в фашистском застенке, на нее смотрят глаза друзей и врагов, видя за ней ее отечество.

Рядом с каждым из ее товарищей стояла смерть, и все же они находили в ее взгляде ободряющую силу отважно выражать дорогому русскому другу восхищение его великой Родиной.

Сурово и нежно рассказывает автор о своих названных сестрах и братьях.

Вот Мишлина, жена коммуниста-нотербитардовца.

«До Мишлины, — сказала мне однажды Мишлина, когда мы с ней остались одни, — я любила только своего мужа, только свой дом... В боях под Мадридом он погиб. В тот год я подала заявление о приеме в Коммунистическую партию».

Разумеется, когда читаешь подобные дневниковые записи, в них ищешь прежде всего достоверность, а не индивидуальные особенности стиля. Однако за непритязательной манерой автора книги угадываешь и наблюдательность, и умение из разнохарактерной смены впечатлений отобрать главное. А это помогает не только тех, кто шагал в первых рядах сражающихся. С ними рядом запоминаются и те, кто не принадлежал к числу активных борцов, но в роковые годы унижения и порабощения бросил фашистам и их приспешникам гневное «нет».

Книга не только свидетельствует о страданиях, которые довелось перенести узницам форта Роменвиль. Она рассказывает о стойкости, дружбе, даже о минутах веселья, объединявших коллектив в самые тяжкие дни и часы.

Глава четвертая книги называется «Рождество». Но это будни не обычны. В камере тишина. Видишь, как лунные отсветы выхватывают из мрака то одно, то другое изможденное лицо. И вдруг над фортом раздается гул. То летят на фашистов союзные самолеты.

И когда налет оказывался успешным, торжественная тишина внезапно прерывалась песней. Француженки пели «Карманьолу», испанки — «Бандьера росса». Песня поддерживала бодрость духа, песня, словно лучший подарок, исполнялась заключенными для брошенных в казематы заложников. И именно песня помогала «Над утро встречает прохладой», «Полюшко», «От края и до края» — приходили к ним.

Недавно журнал «Советская женщина» перепечатал отрывки из книги А. Тверитиновой. В журнале опубликовано фото дорогой рельефной, сбереженной автором «Форта Роменвиль». Это подарок французов — цветы, собранные за колючей проволокой.

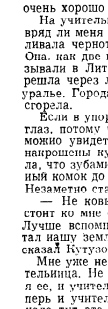
Пусть же теперь как ответный дар, как свидетельство уважения и дружбы придет к вольнолюбивым людям Франции правдивая и честная книга.

Всеволод АЗАРОВ

А. Тверитинова. «Форт Роменвиль». Издательство «Советский писатель». Ленинград. 1960.

Что сказал Кутузов

М. СЛУЦКИС



Миколас Слуцкис — талантливый литовский новеллист. В прошлом году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник его рассказов.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей впервые публикующийся на русском языке рассказ «Что сказал Кутузов».

— ПРАВИЛЬНО, военный совет русской армии собрался в Филях. Так, может, ты вспомнишь, что сказал в Филях фельдмаршал Кутузов?

— Фельдмаршал был одноглазым. Но он очень хорошо все видел, — выкручиваюсь я.

— Ты хотел сказать — все очень хорошо предвидел, да?

На учительницу я не смотрю: строгое выражение ее лица вряд ли меня обадует. Я смотрю на доску. Когда-то она отливала черногой, как уголь. А сейчас вся седая от мела. Она, как две капли воды, похожа на ту, к которой меня вызывали в Литве. Кажется, наша старая классная доска перешла через линию фронта и догнала меня тут, в Приуралье. Горела пылали, в огне люди горели, а доска не сгорела.

Если в упор глядеть на доску, — а я не отрываю от нее глаз, потому что и вправду забыл, что сказал Кутузов, — можно увидеть кое-что интересное. Внизу, к желобку, где накрошены кусочки мела, примерзла тряпка. Так прикипела, что зубами не оторвешь. Точно жабу приколотили. Грязный комок до того похож на жабу, что ее жалко, как живую. Незаметно стараюсь скомкнуть ее и сбросить на пол.

— Не ковыряй тряпку, — сердится учительница. Она стоит ко мне спиной, но видит каждое мое движение. — Лучше вспомни, что сказал Кутузов. Тогда тоже враг топтал нашу землю. И Кутузов, помнишь, сказал... Так что же сказал Кутузов?

Мне уже не жалко жабы. Это из-за нее рассердилась учительница. Не будь тряпка похожа на жабу, не ковырял бы я ее, и учительница, может, забыла бы про свой вопрос. Теперь и учители часто забывают. А может, если бы не тряпка тут эта жаба, я думал бы только о Кутузове и хоть что-нибудь да вспомнил?

И мне начинает казаться, что во всем виновата примерзшая жаба. Это она съела скупое тепло железной печурки! Это она прицепила белые бороды к окнам класса и обила дверь мехами из инея. Это она хватает за ноги и за руки, словно злая собака. Зима не только напугала ледяной коростой двери в класса. Она укутала наши головы в воротники пальто, всунула наши ноги в большие тяжелые валенки. Зима так остудила школу, что шапки, и те снимать не велено. Мы так одеты, так закутаны, что нажемся сгорбленными стариками и едва помещаемся за партами. Чернила застыли, и мы катаем свои чернильницы под партами, как камешки. И хоть капля вылилась бы! Давно уже не скрипим перьями, по по диктантам и изложениям почему-то не очень скучаем. К тому же тетради у нас особенные — сшиты из старых, пожелтевших газет. Когда отвечаешь у доски, изо рта, будто из самовара, валит пар. У меня не валит. Хоть убей — не знаю, что сказал фельдмаршал Кутузов.

Может, меня поезд выручит?

Наша деревушка затерялась в бескрайней снежной пустыне. До ближайшей железнодорожной станции — добрых сто километров. Но я мечтаю о другом поезде. В классе разрешают греться — топать ногами. Врозь топаем редко. Топает весь класс. Тогда и впрямь кажется, что по рельсам летят поезда с солдатами, санитарами, полевыми кухнями и орудиями. Солдаты поют песни, пыхтят паровозы. В классе петь и пахать не разрешается, а жалко. Но разве трудно представить себе паровозы и песню?

Вот с места трогается последняя парта, лязгают буферами, как вагоны, другие, и с грохотом отправляется в путь весь эшелон. Быстрее, быстрее, быстрее! Я чувствую, как состав несет меня по бескрайней запорошенной равнине, мимо дремучих, засыпанных снегом лесов, через разрушенные прифронтовые города и местечки. Эшелон идет на Витебск. И скоро морозно пахнет уже сосновый лес озера и реки, мелькают хаты. Набухают, чернеют, тают снега!

— Стоп, приехали, — властно останавливает поезд учительница, когда мне только остается спрыгнуть на цветущий, гудящий пчелами луг. — Так что же все-таки сказал Кутузов?

Эх, хоть бы у меня нос побелел! Когда ученик отмораживает нос или уши, его выгоняют во двор натираться снегом. Целый час натирайся — никто тебе слова не скажет!

Вот если бы у нашей учительницы побелел прямой, как линейка, нос и она побежала бы натираться!

Учителя ведь мерзнут больше, чем ребята. Они же на переменках не носятся, как угорелые, не ходят на голове! И топать ногами в классе почему-то стесняются! Только уж наша учительница не замерзнет, — не жди.

Она только что примчалась на лыжах. Они аккуратно поставлены в угол—короткие толстые охотничьи лыжи. Учительница живет за балкой, в бараке лесорубов. Без лыж она бы увязла в сугробах.

Франтоватая шубка учительницы расстегнута, мужская меховая шапка сдвинута на затылок — учительнице жарко! Из-под шапки вылезают белые, как березовая кора, волосы. Словно и им жарко!

Круглые, чуть припухшие щеки учительницы разрумянились от мороза, точно от знойного летнего солнца. Кажется, она только что выкупалась в снегу, как мы купаемся в августе в реке Вятке. Нет, учительница никогда не отпустит нас с уроков из-за мороза, если он даже переваляет за сорок! Ей, должно быть, приятно, что мы сидим, съежившись. Поэтому знают мы нашу учительницу не любим. Мы любим ее только весной и осенью, когда не трещат морозы. А сейчас какой бы холод ни стоял на дворе, будь добр, ответь урок так, словно твои щеки горят от жары. Словно ты не закоченел и не обледенел, как стебелек... Словно нет войны и немцы не рвутся к Москве...

— Так, может, мы расскажешь нам что-нибудь другое, пока вспомнишь... — В голосе учительницы слышится легкая насмешка, и щеки ее наливаются, как два яблока. — А то стаиовится скучно... Верно, ребята?

Ребятам, моим дружкам, вовсе не скучно. Они стучат зубами и мечтают о поезде. Через несколько минут снова можно будет открыть семафор...

Я рассказал бы им о чем-нибудь другом с превеликим удовольствием! Сегодня я встретил волков. Двух волков сразу! На улице, недалеко от пекарни. Они дрожали, как собаки! Их глаза горели багровым огнем от розоватого утреннего снега. Около пекарни так пахло свежим хлебом, что сладкий и пряный дух его захватил меня больше, чем волки. Я даже не удивился, что увидел их среди бела дня у пекарни.

Но разве скажешь учительнице про хлеб, нашей строгой, незамерзающей учительнице? Она тут же отрубит, что идет война, а мы, ученики, получаем паек, как солдаты, которые жертвуют своей жизнью. И все это наставления ты должен будешь выслушать потому, что ее муж на фронте. Как будто только он один воюет!

И куда, скажите, девался наш школьный звонок? Может, его тоненький голосок замерз и мы больше никогда не услышим его веселой трели?

Только вспомнил я о звонке, только навострил ухо, как вдруг громко — точно она раскололась от мороза — затрещала дверь класса.

— Татьяна Григорьевна! Татьяна Григорьевна! — вместе с облачком пара в дверь просовывается чья-то голова, закутанная пуховой шалью.

— Не мешай.

Татьяна Григорьевна — так зовут нашу учительницу — даже не поворачивается. Только я и Кутузов, — больше ее никто не интересует.

Но голова, закутанная пуховой шалью, не унимается:

— Татьяна Григорьевна... Татьяна Григорьев... — сейчас уже в дверь просовывается длинный поношенный ватник с закатанными рукавами.

— Ну, чего тебе? Ученик, видишь, так складно отвечает, а ты мешаешь ему.

Снова надо мной подтрунивает! И, как всегда, даже подтрунивая, упрямо и придирчива, как мороз на дворе. Такая уж она, наша классная руководительница!

— Татьяна Гри... Григорьевна... — надувается и сжимается, как воздушный шар, старая стеганка. — Что я вам скажу, Татьяна Григо...

Теперь все узнают Сашку Алябьева из четвертого. Три сыновних брата погибли на войне, и он этим страшно гордится. Ни одна семья в деревушке не получила столько похоронных.

— Ну, говори же, Сашка, — подбадривает его учительница и тепло, по-матерински улыбается. Ее узкие глаза светлеют. — Ну, говори же, наконец, а то моему ученику не терпится рассказать нам о Кутузове.

Теперь я спасен, ей-богу, спасен! Пока Сашка мямлит, никакая опасность мне не грозит. А там и звонок выручит...

— Татьяна Григорьевна... Татьяна Григо... — трудом выводит имя и отчество ученик. Сашка. Его странный ватник сияет, и мелкое, словно новая копейка, лицо сияет. Что уж тут рассказывать. Сашка вдруг вамахивает рукавом. — Михаил Ефимович вернулся!

— Кто вернулся? Какой Михаил Ефимович? Чего мелешь?

— Ну, тот самый... Физик наш! — по-прежнему сияет мелкое и круглое, как копейка, личико Сашки.

Сашка стыдится сказать, что вернулся муж нашей учительницы. Да, Михаил Ефимович, преподаватель физики, муж Татьяны Григорьевны. Они поженились незадолго до его ухода в армию.

«Ура! Михаил Ефимович вернулся!» — вырывается из двадцати пяти глоток. Во всех направлениях грохочут поезда — сотни вагонов с пушками, вооруженными новехонькими винтовками солдатами. Толкает друг друга, топаем, не жалея валенок, орем благим матом. Ведь Михаил Ефимович — наш бывший учитель!.. Он дрался на фронте с фашистами... И вот пришел домой, хотя все думали, что он не вернется.

— Замолчите!

Это кричит наша учительница. Дрожащими пальцами застегивает она шубейку, но никак не может попасть в петельки. Теперь и ее трясет озноб. Татьяна Григорьевна так озябла, что не может двигаться. И чего это она стоит, как вкопанная? Мы уже сто раз слетали бы в коридор и обратно.

Учительница ступает осторожно, словно идет не по полу, а по тонкому, скользкому льду. На дверь она налегает всем телом — руки ее не слушаются.

Дверь открывается внезапно, без скрипа, и остается распахнутой.

В зыбком сумраке коридора стоит высокий крупный мужчина в длинной солдатской шинели, с набитым мешком за спиной. Мужчина то и дело озирается по сторонам и странно мотает головой. Она дергается то в одну сторону, то в другую. Когда мужчина запрокидывает ее, голова мелко подрагивает на месте. Подрожит, выпрямится, и снова то в одну сторону, то в другую... Даже когда учительница обнимает шею мужчины, его голова вырывается из ее крепких рук.

Только сейчас, когда учительница прильнула к солдату, до нас доходит, что тот, у которого так судорожно трясется голова, словно вот-вот отвалится, и есть Михаил Ефимович.

— Контуженный, — угрюмо перешептываются ребята.

Михаил Ефимович — контуженный — у него еще болтается левый рукав. Только одной, правой, прижимает он к себе учительницу. Как же он теперь без руки будет делать опыты по физике? Михаил Ефимович весь черный, как головешка.

— Горел и не сгорел... Жив остался... — странно мотая головой, бормочет он. А ведь до ухода в армию у него была такой звонкий, такой чистый голос!

Татьяна Григорьевна не пытается удержать большую, прыгающую голову мужа. Она гладит и комкает пустой рукав, словно хочет найти в нем здоровую руку.

— Я счастлива, Миша... — повторяет она одно и то же.

— Очень, очень счастлива... Ты же знаешь!..

— Да. Танечка, знаю...

Высокий черный солдат несмело улыбается. Его улыбка делится на множество стоячих и мелких улыбок. Так, наверно, улыбается разбитое на кусочки зеркало...

— У меня урок... Я сейчас кончу... Сейчас... Подожди минутку...

Но учительница не торопится. Она мнет и мнет пустой рукав, будто еще надеется наполнить его жизнью.

Не спуская глаз с мужа, Татьяна Григорьевна пятится к двери класса.

Весь класс, кроме меня, сидит за партами. Всех, словно ветром, сдуло с порога. И шапки словно ветер сорвал с голов.

Татьяна Григорьевна не замечает, что мы без шапок. Она входит белая и холодная, как ледышка. Когда учительница останавливается около своего столика, она напоминает обледенелую, запечатанную березку.

Непокрытые головы щиплет мороз. Я сейчас, как никогда, люблю нашу учительницу. И весь класс ее любит, хотя еще не весна, — зима лютует. «Танечка», — грустно и нежно звучит в ушах новое имя нашей учительницы.

— Ты что тут делаешь? — Татьяна Григорьевна не сразу узнает класс, доску, меня. — А! — вспоминает она, почему я в коченею у доски.

Медленно проходит между партами. Половицы скрипят под ее ногами. Она твердо ступает своими грубыми мужскими валенками.

— Ну, вспомнил, что сказал Кутузов?

Голос у нее неторопливый, ясный, повелительный. Всегда он такой, голос нашей учительницы Татьяны Григорьевны. Только красные узкие глаза становятся еще уже. В их щелках сверкают две слезы. Сверкают упрямо и смело, словно острия штыков. И это пронзительное сверкание проникает прямо в душу.

От глаз Татьяны Григорьевны мне становится жарко. Весь класс наполнен какой-то непонятной, волнующей теплотой: теперь я все вспомнил. Теперь я прекрасно знаю, что сказал Кутузов. Мы победим Гитлера, вот что сказал одноглазый фельдмаршал. Не мы же он сказать другое!

Татьяна Григорьевна кивком велит мне сесть.

— Мы победим, — повторяет она своим размеренным голосом, который действует так успокаивающе.

Одно только странно: почему она не удивляется, что я спутал столетия, заменил Наполеона Гитлером и заставил фельдмаршала Кутузова сказать то, чего он никогда не говорил.

Перевел с литовского Григорий КАНОВИЧ

МИР И СВОБОДА НЕДЕЛИМЫ!

Постановление Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами» премия за 1960 год была присуждена выдающемуся сыну индийского народа, председателю Всеиндийской ассоциации солидарности стран Азии и Африки г-жи Рамешвари Неру.

Мы публикуем статью г-жи Рамешвари Неру, написанную ею специально для «Литературной газеты».

Рамешвари НЕРУ

ИНДИЯ на себе испытала, что значит колониализм. Под игом колониализма народ Индии страдал свыше 200 лет, но никогда не мирился с ним, хотя, на первый взгляд, могло показаться, что в стране царит мир и спокойствие. Как только индийцы поняли, что английская Ост-Индская компания, прикрываясь торговлей, постепенно прибирает к рукам политическую и экономическую власть, в разных концах страны начались бунты, самые разнородные по своему характеру. Однако эти вспыхивавшие то и дело бунты не приносили результатов, ибо они были разобщены, стихийны. И тем не менее они вселяли ужас в сердца поработителей, подготовляли огонь восстания в народе и подготовляли индийцев в мысли о том, что свобода требует тяжелых жертв.

Только с приходом на политическую арену Ганди, который взялся за организацию народных масс, перед индийцами открылся путь ненасилия и пассивного сопротивления, который в итоге привел страну к независимости.

И в результате, по прошествии двух столетий, Индия вновь обрела утраченное ею самоуважение и заняла равноправное положение среди других свободных стран; ныне индийцы ходят с высокоподнятой головой, как все свободные люди на земле. Нам теперь особенно понятно, как подрывают горькие унижения национальную гордость и самоуважение народа.

Вот почему в сердцах индийцев находит такой горячий и живой отклик борьба тех стран, которые доныне добиваются свободы.

Мы с глубочайшей симпатией следим за борьбой народов Конго и Алжира, Кении и португальских колоний в Африке, а также в Индии (Гоа) и народов таких многородных стран Азии, как Лаос, Южная Корея и Вьетнам. Индийская печать подробно освещает события в этих странах, и все более широкий круг читателей жадно внимает этим сообщениям, испытывая то гнев, то радость, то страстную надежду на успешный исход борьбы. В страданиях угнетенных народов и в их борьбе мы видим отражение своего собственного прошлого и полностью разделяем с ними радости и печали, вызываемые их успехами и поражениями.

Свобода, равно как и рабство, неделима, подобно другим явлениям в нашем мире. До тех пор, пока хоть в одном районе мира существует угнетение и нищета, не может быть и речи о подлинной свободе и богатстве других стран. Даже исходя из своих собственных соображений, мы не должны забывать, что слаборазвитые страны, завоевавшие свободу, постоянно находятся под угрозой реставрации колониального режима. Поэтому мы, индийцы, явно видим опасность, которой чревато укрепление сил империализма.

Агрессивное нападение Англии, Франции и Израиля на Египет, мятеж, спровоцированный Америкой в Индонезии; высадка английских и американских войск в Иордании и Ливане и, наконец, нападение на Кубу антикубинских сил, поддерживаемых Соединенными Штатами, — вот несколько яких примеров, показывающих, какая опасность грозит всем странам Африки и Азии.

Кроме того, существует опасность устаивания в этих странах экономического господства отдельных государств, навязывающих им кабальные формы финансовой помощи. Мы боимся, что такая помощь может принести к созданию неоколониализма. Все страны, которые ее получают, также подвергаются этому риску.

В целях упрочения международного мира (а Индия — один из самых горячих его поборников) необходимо, чтобы все угнетенные страны стали свободными. Подлинный мир не наступит до тех пор, пока на земле существует несправедливость. В тех странах, где народ преисполнен возмущения, империалисты пытаются создать почву, на которой семена войны могут дать пышные всходы. Так было в Конго, Лаосе, на Кубе.

Из этого следует, что **тот, кто борется за свободу угнетенных стран, в то же время борется за мир.** Это еще одна причина, по которой Индия поддерживает эти страны в их борьбе. Вполне очевидно, что военная опасность будет существовать до тех пор, пока проблемы, стоящие перед угнетенными странами, не будут разрешены удовлетворительным для них образом.

Всеиндийская ассоциация солидарности стран Азии и Африки проводит в различных районах страны множество митингов, участники которых призывают прогрессивных людей всего мира поддерживать освободительную борьбу этих стран.

Индия потрясена жестоким убийством законного премьер-министра Конго Лумумбы. Каждый образованный человек переживал его гибель как личную утрату. Все индийские политические партии единогласно и резко осудили это гнусное убийство. Наше правительство первым послало своих солдат в Конго с мирными посланцами мира, чтобы помочь этой стране, раздираемой войной, сохранить целостность и независимость.

В заключение мне хотелось бы повторить, что **наша страна полностью солидаризируется с освободительным движением Африки и борьбой за сохранение международного мира.**

Дели. (По телеграфу)

ЧТО ТРИ ВАРИАНТА

Эрнст Генри
Стратегия реванша

ПОПЫТАЮТСЯ «перенграть» вторую мировую войну западногерманские милитаристы могут по-разному. Можно попробовать «переиграть» ее на Востоке, можно и на Западе, но все реваншисты сходятся на одном: они не прочь, каким видом не намерены вновь вести войну на два фронта.

Это не означает, что германский милитаризм видит перед собой только одного противника — либо на Востоке, либо на Западе — и готов отказаться от вражды к кому-либо из них. Об этом он не может быть и речи. Немецкие реваншисты ненавидят всех победителей во второй мировой войне, думают о мести как тем, так и другим. Весь вопрос для них в очередности осуществления реванша. Первый шаг — разъединить противников; второй — ударить по одному из них; и только третий — напасть на другого. На кого же напасть в первую очередь?

На первый взгляд, возможны два ответа на этот вопрос. Западногерманские реваншисты должны выбирать между восточным и западным фронтами. Дело, конечно, не в симпатиях и пристрастиях тех или иных политиков или генералов ФРГ. Опыт последних 50 лет показывает, что немецкие милитаристы выбирают то направление для первого удара, на котором, по их мнению, легче рассчитывать на успех. Это определяется соотношением вооруженных сил, военной географией, позиционной обстановкой и т. д. Оснащенный ядерными ракетами, западногерманский подводный флот, например, может ударить и на Восток, и на Запад. В каком направлении ему удобнее вести огонь?

За предположение, что реваншисты скорее ударят на Восток, говорят как будто веские причины. ФРГ — член НАТО. Хорошо известно, что немецкая монополистическая буржуазия испытывает бешеную классовую ненависть к Советскому Союзу и германскому рабоче-крестьянскому государству — ГДР. Реваншистские генералы к тому же не могут забыть, кто сыграл решающую роль в их разгроме в прошлой войне. Но, как уже сказано, одни лишь политические мотивы не определяют курса немецких милитаристов. Их классовая ненависть к Советскому Союзу ведет только к тому, что они еще тщательнее взвешивают соотношение военных сил в восточном направлении.

Рискнуть столкновением с сильнейшей державой мира? Западногерманские генералы не могут не представлять себе, что произойдет с их армией, если они пойдут на такое. Я бонне очень хорошо понимают, что поражение германских реваншистов на восточном фронте на этот раз приведет к уничтожению немецкого милитаризма навеки.

Дело не только в превосходстве вооруженных сил Советского Союза, в частности его ракетного оружия. Это известно всему миру. Дело также в географическом положении ФРГ. Достаточно одного взгляда на карту. Худшей военной карты с точки зрения агрессора трудно себе представить.

Все немецкие принципы стратегии НАТО и бундесвера указывают, например, на небольшое расстояние между Эльбой и Рейном, на весьма незначительную дистанцию от границы ГДР до Гамбурга или Любека, на критическое положение, в котором очутится промышленная область Рура в случае войны, на соотношение сил в районе Балтийского моря и другие столь же неоспоримые военные истины. Не видеть их не могут даже одержимые. Агрессия Западной Германии в сторону востока в ту же секунду обращается против Западной Германии, идет ли речь о попытке «внезапного удара» по балтийском «подводном дуле» или хотя бы о так называемой «локальной войне», то есть о нападении ФРГ на ГДР. Совершенно очевидно, что ни о какой локализации войны в этом районе не может быть и речи. Иметь же дело с Советским Союзом для бундесвера несравненно страшнее, чем это было для вермахта. Может ли удаться Западной Германии хотя бы в качестве авангарда НАТО то, что не удалось Наполеону и Гитлеру?

При этом в Бонне едва ли упускают из виду одно важное обстоятельство: что произойдет с бундесвером, если те, для кого он должен служить авангардом или «щитом», в критический момент бросят его на произвол судьбы? Как раз на такую возможность указывал еще в 1956 году старый гитлеровский фельдмаршал Манштейн, что все же, разумеется, исключать возможность агрессии западногерманских реваншистов в восточном направлении ни в коем случае нельзя.

Но вот что бросается в глаза. **Достаточно повернуть стратегию реванша на 180 градусов, отстроив на запад, и все сразу начинает выглядеть иначе.** Авантюристическая красна с нее не сходит. Но то, что в ней бессмысленно в военном отношении, приобретает по крайней мере некоторый смысл. Вещи становятся на свое место.

Сравним военный потенциал Западной Германии с потенциалом других стран Западной Европы. Тут перед нами развертывается совершенно иная картина, чем при сравнении Западной Германии со странами Варшавского договора. Что касается численности скорострельных сил, их ударной мощи, военно-воздушных сил и ракетно-ядерного вооружения, то мы уже видели, что бундесвер готовится в ближайшее время превзойти всех своих партнеров по НАТО в Западной Европе и частично уже превзошел их. Об этом теперь почти нет споров и на Западе. Еще знаменательнее, однако, сравнение позиций по военной географии. Мы видели, что она судит западногерманских агрессорам, если бы те двинулись на Восток. Иначе складывается положение с их точки зрения, если они вздумают повернуть на Запад.

Бундесвер уже вклинился в военную систему Западной Европы. Как мы видели, планируемая им сеть баз ведет к тому, что «НАТОвская» Европа попадает в его тиски и в центре и на флангах. Достаточно представить себе положение Франции. В военном отношении ось Франко — Штраус немногим отличается от оси Франко — Гитлер в годы второй мировой войны. В газете «Аванти» соглашение о создании западногерманских баз в Испании было названо «дулом, направленным в сердце Европы». Если бундесвер получит базы и в Северной Африке, то Франция может считать себя почти окруженной как с востока, так и с запада и юга.

Не лучше положение Англии. Когда-то Хойзингер участвовал в разработке операции «Морской лев» — гитлеровского плана десанта в районе Лондона с целью захвата Англии. Позднее он критиковал Гитлера за то, что тот упустил возможность взять в плен или уничтожить всю английскую армию в Дюнкерке. Теперь Хойзингер располагает такими позициями и таким оружием в Западной Европе, что положение Англии в случае реваншистской агрессии в западном направлении станет еще сложнее, чем в прошлом.

Факт тот, что реваншисты уже создают свои собственные предпосылки укрепления внутри военного лагеря Западной Европы. Это нечто вроде троянских коней в «дружеском» лагере. Так как кнопки аппарата НАТО все активнее переходят под контроль бундесвера, то двух мнений быть не может. Применить стратегию внезапного удара на Западе для него значительно легче и удобнее, чем на Востоке.

Можно не останавливаться на ряде других факторов — на том, например, что по своей демографической и промышленной структуре Западная Европа несравненно более уязвима, чем Восточная Европа. Или на том, что бундесверу хорошо известны военные секреты НАТО. Главным остается тот факт, что Западная Европа уже в какой-то мере находится в сетях бундесвера, называется ли эта сеть совместной «военной машиной» НАТО или «внутренним дом» армии Шпейделя. Завтра ей станет еще теснее в этих сетях.

РЕВАНШ ПО-МЮНХЕНСКИ

Нельзя исключать также и то, что реваншисты держат в резерве еще одни план. В подходящий момент, накопив силы и подготовив почву, бундесвер может просто-напросто предъявить ультиматум своим партнерам в Западной Европе — ультиматум, поддерживаемый атомным кулаком и сводящийся к требованию полного подчинения этих стран Западной Германии. Это тоже реванш: капитуляция Западной Европы в этом случае была бы повторением мюнхенского позора, но на этот раз это была бы капитуляция, доведенная, до конца. Такое достижение реваншистов было бы равносильно возрождению чего-то вроде четвертого рейха. Перевелись ли на Западе чемберлены и петэны?

Если соотношение военных и экономических сил в Западной Европе будет и в дальнейшем складываться в пользу ФРГ и если США будут по-прежнему передавать ключи ракетного оружия Хойзингера и Шпейделя, то едва ли придется сбрасывать со счетов подобную перспективу, по крайней мере в умах германских милитаристов.

Тем не менее сомневается в ненависти реваншистов к их западным союзникам, стоит вспомнить слова Гинденбурга, сказанные им американскому офицеру Маккагону через пять лет после окончания первой мировой войны и за 16 лет до начала второй. «Мы отомстим, даже если на это потребуется сто лет, ибо история повторяется, и чего я хочу больше всего в этой жизни, — это, чтобы я сам смог взять в руки оружие против Франции». Два года спустя Гинденбург стал рейхспрезидентом.

Думать, что западногерманские милитаристы будут считать себя связанными клочком бумаги, на котором написан Северноатлантический договор, могут только политические маньяки. Предполагать, что у реваншистов нет других планов, кроме плана нового нападения на Восток, могут только слепотики, утратившие память.

Дело, разумеется, **не просто в амбициях или оперативных расчетах** германских милитаристов. Подлинные причины, которые могут **вновь толкнуть** реваншистов на Запад, **скрыты значительно глубже.** Вся политика немецкого империализма сегодня, как и вчера, рассчитана на превращение германского капитализма в капиталиям «континентальный». В наши дни магнаты Рура стремятся к этой цели еще большим ожесточением, чем при Гитлере. Но для того чтобы осуществить эти планы, германский милитаризм должен сначала установить свое господство над Западной Европой.

ПОЛИТИКА ПРОВОКАЦИЙ

Всего вероятнее то, что реваншисты хотят сохранить за собой возможность сделать выбор в подходящий момент. Из двух вариантов агрессии — на Восток и на Запад — второй с военной точки зрения представляет меньший риск. Но есть и третий вариант.

Сокровенная мечта бойких реакционеров состоит в том, чтобы столкнуть Соединенные Штаты с Советским Союзом. Сделав все, чтобы обострить «холодную войну» до предела, натравить армии Запада на Восток, а социалистический мир, спровоцировать мировой конфликт, германский милитаризм может в последнюю минуту попытаться выйти из игры, чтобы выждать время и затем наброситься на более слабого, то есть на тот же Запад. Такое решение вполне бы соответствовало духу немецких милитаристов. 20 апреля 1945 года, за 10 дней до самоубийства, Гитлер сказал эсэсовскому генералу Вольфу, что, по его мнению, Запад поссорится со своим восточным союзником. «Мы присоединимся к той или иной стороне, — заявил Гитлер, — к какой, мне совершенно все равно». Фюрер был готов обмануть любого.

4 сентября 1952 года на страницах влиятельной западногерманской газеты «Франкфуртер альгемейне» можно было прочесть следующие строки: «Западная Германия должна проводить политику сотрудничества с западными державами. Но это ни в коем случае не должно привести к такому положению, при котором Германия станет полем сражения, а немцы — пушечным мясом». Такие высказывания довольно часто можно слышать в Западной Германии. Как же тогда в Бонне понимают смысл военного союза ФРГ с западными державами и стратегию «щита»? Не исключает ли и тут, как в некоторых вашингтонских кругах, воевать чужими руками?

Несомненно, Бонн не один играет на международной шахматной доске. Нельзя, однако, закрывать глаза на возможность таких провокационных ходов со стороны германских реваншистов, которые сразу создали бы опасную международную ситуацию. Достаточно вспомнить лозунг, не так давно пущенный ими в ход: «Берлин стоит третьей мировой войны». Устроить ту или иную провокацию на границах ГДР для реваншистов не составляет особого труда. В их кругах явно рассчитывают на то, чтобы в критическую минуту перехватить инициативу у англо-саксонских «союзников» и толкнуть их в огонь.

Таковы возможные варианты реваншистской стратегии. Каждый из них — нечто среднее между авантюризмом и безумием. Каждый ставит Западную Германию перед угрозой оказаться стертой с карты мира. Каждый сулит германскому народу еще худшую трагедию, чем та, на которую обрек его Гитлер.

Было бы непростительно глупо недооценивать опасность, которую представляют для мира германские реваншисты. Но столь же ошибочно приписывать им силы и способности, которыми они не обладают. Золотой век германского милитаризма кончился навсегда. Его политики плохо рассчитывают, его генералы плохие кандидаты в бонапарты. Их формат уже не по мерке нашей эпохи. Почти все они обычно видят только то, что непосредственно перед их носом. В этом отношении они временами действительно сохранили некоторыми способностями. Когда, например, на Западе противник был слабее их и не знал их планов, когда у них было достаточно времени, чтобы сочинить свои диспозиции для нападения («дивэрсте колонне марширт...»), и когда, наконец, международная политическая обстановка благоприятствовала им, — тогда германские милитаристы временно добивались успехов. Когда дело обстоит иначе, их планы рассыпаются, как карточные домики, и их бьют, как били под Москвой и у Сталинграда.

Узкие специалисты своего дела, они страдают специфическим вообразительным, принимают желаемое за действительность и совершенно неспособны ощущать поступь истории. Это относится даже к чисто военным вопросам. Кумир германских милитаристов Шлиффен писал в 1909 году: «Представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований (военной техники. — **Э. Г.**) и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто». Это было сказано за несколько лет до появления танков, за несколько десятилетий до атомных бомб и ракет. Теперь реваншисты считают, что сильнее ракет «Поларис» нет ничего на свете.

Невежды! Они не оригинальны. Еще спартанский царь Архидам две с половиной тысячи лет назад, увидев, как стреляют камнями из новой катапульты, воскликнул: «О Геркулес, мужеству конец пришел! Конец!»

Стратегия германского реваншизма — стратегия авантюризма и безумия. Нельзя поверить, что германский народ, наученный горьким опытом, позволит авантюристам и безумцам уничтожить Германию. Не в реванше, а в мирном договоре и демократическом развитии страны залог благоденствия Германии.

Дело, конечно, не только в германском реваншизме. Дело и в тех, кто во второй раз помогает ему стать на ноги. Западу приходится пожинать плоды своей послевоенной политики.

Вскоре после второй мировой войны Черчилль опубликовал свои мемуары. В примечании к тому, названному им «Надвигающаяся буря», он писал: «Содержание этого тома: как в 1919—1930 годах народы, говорящие на английском языке, бесстрастно и преднамеренно, беззаботности и добродушия позволили силам зла вновь вооружиться».

Черчилль сваливает ответственность на англо-саксонские народы. Нет, народы тут ни при чем. Они и тогда, как теперь, не соглашались с политикой поощрения германского милитаризма. Вина лежит на других — тех, кто ненависти к социализму осиливает оружием «силы зла».

Мы помним прошлое. Но мы любим жизнь и знаем, что можем сделать ее прекрасной для всех. Все, что происходит в последнее время, — непрерывный рост мощи социалистического мира, полет советского человека в космос, победа маленького народа Кубы над империалистами, — подтверждает, что стрелку истории нельзя перевести назад, как стрелку часов. Люди нашего времени никогда не пожертвуют силами прошлого свое настоящее и свое великое будущее. Стратегия реванша обречена.

Берлин. Александерплац. Один из типичных стрит в ы х пейзажей новой Германии.

Утро... Уборка улицы...

Идут в гости...

За город на роллерах и мотоциклах...

Молодожены пришли в ратушу...

Повсюду на земле миролюбивого немецкого государства я ощущал атмосферу жизнерадостности, видел оптимизм людей, встречающих сегодня 16-ю годовщину своего освобождения...

ЖИЗНЬ ВОКРУГ НАС

Ян ПИЛАРЖ,
чехословацкий писатель

Шестнадцать лет прошло с момента, когда героическая Прага украсила лаврами советского военачальника. Вместе с радостью следим мы, советские люди, за достижениями Атлантилиду народа Чехословацкой Социалистической Республики. Мы хорошо знаем о размахе и перспективах планов, успехах культуры, литературы и искусства. Братская страна обогащается все новыми духовными ценностями. О молодых силах чехословацкой литературы рассказывает сегодня на страницах «Литературной газеты» писатель Ян Пиларж.

СЕГОДНЯ основной тон в чешской литературе задает молодая проза. Этот факт настолько нов и удивителен, что его нужно подчеркнуть особо. Ведь в течение ряда лет первенство принадлежало поэтам. Они дали литературе много новых имен — Флориан, Шотола, Голуб, Штука, Веттер, Червенка, Штробова, Брукнер. Я не хочу сказать, что сейчас в литературу не приходят молодые поэты. Но их лирика еще несет на себе печать поисков, стремления найти свой оригинальный голос, в ней слишком много брожения, неясностей, крайностей, авангардистских увлечений, и поэтому ее нельзя расценивать даже как начало диалога с живыми наших дней.

Этими детскими болезнями наша молодая проза не страдает. Она не отрывается от земли, ее взор обращен к людям, и она стремится правдиво отразить их конфликты... После короткого периода неопределенности наши прозаики начали собирать силы для первого штурма в жизнь. Естественно, что при этом опытные писатели с большей ответственностью отнеслись к выбору тем и к оценке своих сил. Одни из них ищут корни современности в решающих фазах антифашистской борьбы или февраля 1948 года, когда проявились действительная сущность людей. Они стремятся раскрыть в своих книгах с яркой крашенной правдивостью и показать их внутренний пафос. Это мы найдем у Я. Отченашека в его новелле на времени оккупации «Ромео, Джульетта и тьма» или в романах о словацком восстании В. Минача, который недавно опубликовал сборник рассказов «Медвежий угол», где он стремится нарисовать реальные портреты современников. Другие, подобно Б. Бржезовскому (роман «Железный потолок»), стремились показать настоящее лицо либеральных интеллигентов, которые после своего поражения в 1948 году существуют в нашем обществе в виде скрытой плесени, время от времени пробуждающейся к жизни. Наконец, третьи, подобно И. Кринжу и К. Ф. Седлачеку, обратились к самым жгучим проблемам нашей деревни и нашего строительства.

Но наша проза богата и молодыми талантами. Одно на доказательств: в серии «Жизнь вокруг нас», выходящей в издательстве «Чешский писатель», за один год вышло 10 книг молодых писателей. Название этой серии очень верно выражает основное направление молодой чешской прозы.

Я просмотрел рецензии, которые критика посвятила первым трем книгам этой серии. Давно уже критики никого не хвалили так единодушно. Одна из этих книг — повесть Яна Проховзки «Зеленые дали». С ней знакомы уже и советские читатели, так как она с завидной быстротой была переведена и напечатана в журнале «Иностранная литература». Проходка обогатила нашу прозу верным изображением деревни и чешского Пограничья. Автор увлекает читателя непосредственностью своего повествования, верным видением действительности. Знакомство с его второй повестью, публиковавшейся недавно в газете «Литерарни новины», и с романом, который он пишет в настоящее время, позволяет нам с уверенностью сказать, что еще далеко не исчерпаны его своих тем.

Иван Клима издал сразу две книжки. После первого сборника художественных очерков о малоизвестных районах восточной Словакии — «Между тремя границами» он вскоре выпустил сборник рассказов «День прошел здорово». Иван Клима сам отмывал для себя людей на стройках в северной Чехии и в деревнях Словакии. Это автор, который обратился к забытому жанру художественного репортажа и который в своей книге о Словакии сумел изобразить много интересных человеческих судеб и нарисовать драматическую картину борьбы за социалистическое будущее отсталого края. По моему мнению, именно он своим рассказом, название которого стоит на титульном листе сборника, сумел показать мир молодежи, с лишенный патетики героизм.

Владимир Пршибский выпустил сборник рассказов «Целый день до конца недели». Он знакомит нас с рабочими одной фабрики. Пршибского интересуют обыкновенные дни, недели, наполненные никакой работой. Его герои не совершают никаких необыкновенных поступков. Они говорят, работают, думают, мучаются, выясняют свои отношения. Молодой писатель знаком с изображаемой им средой не как посторонний зритель, а как один из тех, кто живет в этой среде. Он знает, как выглядят рабочие, знает их психологию и свободно хорошо знаком с языком. В этом его книжка сближается со сборником Владимира Вовры «Огни под землей». Это — новеллы о людях, которые работают в рудниках.

В один ряд с этими двумя авторами следует поставить и Людека Шиппла, который выпустил свою первую повесть «Жизнь на трех скоростях». И если по сравнению с обоими вышеназванными авторами Шиппл обладает гораздо меньшей культурой слова, он тоже хорошо знает своих каменщиков, кровельщиков, мастеров и подмастерьев. Он сам — один из них, так как работает на стройке в городе Хеб. И поэтому для нас раскрытие характеров и психологии героев его новеллы, трех молодых каменщиков-подмастерьев, представляет особый интерес. Конфликт, который возник между ними и руководителем стройки, толкает их на неудачный побег за границу. Волнующий сюжет мы находим и в повести Ленки Гашековой «Обычная вера». Перед судом работы стоит руководитель строительства большой электростанции. Его обвиняют в том, что он нанес государству миллионные убытки. Старый коммунист, честный человек, труженик, который все свои силы отдал стройке, он сначала не понимает своих судей. В ходе процесса, на котором ему помогали по-новому увидеть всю его жизнь, увидеть воров и расхитителей, пользовавшихся его слабостью, у него, наконец, открываются глаза.

К сожалению, в этой статье обо всех остальных книжках я имею возможность сказать только очень кратко. Самыми интересными литературными новинками, где изображается поколение людей, которое теперь по тридцать—сорок лет, мне представляются книги Э. Петишки, Р. Черного и И. Сметановой. Эдуард Петишка создал роман «Пароход чем юноши стают мужчинами» — книгу необычайной чистоты и яркости. В двух частях романа, которые скомпонованы из отдельных, насыщенных диалогом глав, он изображает детский мир своих героев в период перед самой войной, затем их отроческие годы в период оккупации, в конце которого они вступают на порог освобожденной страны. В сдержанной манере Петишка создает в этом произведении правдивый образ молодого поколения. Его роман проникнут тонким психологизмом.

Своего рода антиподом этого романа является сборник рассказов Рудольфа Черного «Неразные плоды». Черный тяготеет к эпическому повествованию. В его книге наиболее интересна новелла, заглавие которой стоит на титульном листе сборника и в которой изображена группа участников майского восстания 1945 года в Праге. Молодежь тут проходит свое настоящее крещение огнем. Здесь выведены эпизодические представители различных общественных слоев. Черный очень верно изображает их умонастроения.

Совершенно другую тональность имеет сборник рассказов Индржишки Сметановой «Концерт под платанами». Книга получила у нас положительную оценку и очень скоро вышла вторым изданием. Этот успех был вызван тем, что Сметанова обладает высокой культурой слова, хорошо владеет искусством художественной детали, стремится к оригинальной разработке темы. Она глубоко проникает во внутренний мир современных людей, независимо от того, где они их находит — в Праге или в Пограничье.

Для полноты картины следует в нашем обзоре поместить еще два произведения молодых авторов, которые сосредоточиваются на психологии современника. Во-первых, это повесть Александра Климента «Мария», вызвавшая большую дискуссию. Тема распада молодой семьи раскрывается через внутренний монолог Марии. Климент рассматривает эту тему с позиций тяжелой болезни. Он пытается решить конфликт отнюдь не разводом супругов. Его супруги в конце новеллы сходятся, как после тяжелого сна, чтобы продолжать поиски решения возникших перед ними проблем. Эту новеллу можно упрекнуть во множестве недостатков. Тем не менее оригинальность художественной формы и перенесение подменные Климентом детали говорят о том, что речь идет о серьезном авторе, который тяготеет к изображению острых конфликтов современности.

В ином плане психологическая тема развита в новелле В. Стибловой «Моя большая вера». Это уже вторая книга молодого врача. Писательница показывает, к чему ведет слепая вера людей в «чудесную» силу знахарей. Следует сказать, что в нашей стране в последнее время появилось немало таких шарлатанов. Заслуга Стибловой в том, что устами одной из пациенток, разоблачаются мошенники.

В этом обзоре я рассказал о нескольких книжках самых молодых авторов. Их объединяет одна черта: фронтальный поворот к нашей современности, к людям наших дней, понимание больших политических целей нашего общества.

Молодая чешская проза — на хорошей дороге.

ПРАГА

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 1-11-69, литературы народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-26, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 3-00-00.

Типогр. дня «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

И. о. главного редактора В. А. КОСОЛАПОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Б—04196